

АЛЕКСЕЙ НЕБОХОВ

ОПРОКИНУТЫЙ
В ЖИЗНЬ

18+

Алексей Небохов

Опрокинутый в жизнь

<https://litres.ru/73936501>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сонном приморском Сегадайске — где все знают друг друга по имени, а двери не запирают на ночь — начинает убивать маньяк. Жертвы — молодые красивые девушки. Одна за другой! С нарастающей жестокостью, с одним и тем же леденящим почерком. Город в панике и ужасе - бежать некуда.

Компания друзей, знакомых с детства, каждое воскресенье собирается в баре «Маяк» за одним столом. Но с каждой неделей за этим столом всё меньше стульев. Потому что убитые — из их круга. А значит — и убийца тоже! Он сидит рядом, пьёт чай, улыбается, выражает соболезнования. Кто?! Громкий весельчак? Тихий молчун? Тот, кого никто не замечает?

И вот на фоне этого кошмара — невероятно! — рождается любовь. Петя — парень с синдромом Дауна, собирающий ракушки на пляже. Кира — взрослая девушка-фотограф, бежавшая от собственного прошлого. Их история — нежная, хрупкая, пронзительная — в городе, где каждый вечер может стать последним.

Содержание

Глава 1. Набережная	4
Глава 2. "Маяк"	23
Глава 3. Она	52
Глава 4. Камера и море	75
Глава 5. Ольга	97
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Алексей Небоходов

Опрокинутый в жизнь

Глава 1. Набережная

Северная набережная Сегдайска никогда не пользовалась популярностью у туристов, выбирающих локацию для фотографий. Никто не снимал селфи на фоне проржавевших кранов и серых складов, никто не любовался закатом среди растрескавшихся бетонных плит. Зина бежала именно здесь — по местам, где город заканчивался не уютными домиками частного сектора и невысокими новостройками, а угасал в промышленном запустении и запахе гниющих водорослей.

Каблуки предательски подворачивались на каждой второй плите. Тонкие шпильки цеплялись за трещины в бетоне, заполненные мелкими камешками и песком. Дважды она едва не упала, но каким-то чудом удержала равновесие. На третий раз чуда не случилось — левая нога подвернулась, и Зина рухнула на колени, ободрав ладони о шершавую поверхность.

Позади размеренно стучали шаги. Не быстрые, не медленные. Преследователь не торопился — он знал, что набережная заканчивается тупиком у старого рыбоконсервного завода. Она тоже это знала, но продолжала бежать — ничего

другого ей не оставалось.

С трудом поднявшись, она ощутила, как кровь стекает по правой коленке. Чёрные туфли с тонким ремешком вокруг щиколотки, выбранные сегодня утром с такой тщательностью, теперь причиняли мучительную боль. Зина подумала снять их и бежать босиком, но бетон был усыпан осколками стекла, металлическими обрезками и ржавыми гвоздями, оставшимися от бесконечных ремонтов, которые никогда не доводили до конца.

Фонари горели через один, работающие отбрасывали тусклый желтоватый свет, в котором вились ночные мотыльки и комары. За разбитыми в темноте угадывались смутные очертания складских построек. Этот ритм света и тьмы напоминал стробоскоп из ночного клуба, где Зина была на прошлой неделе. По освещённым участкам она бежала быстрее, по тёмным — невольно замедлялась, боясь споткнуться.

Августовский воздух, несмотря на вечернюю пору, оставался душным и влажным. Запах йода, морской тины и чего-то химического забивался в ноздри, оседал на языке металлическим привкусом. Зина тяжело дышала, и каждый вдох давался с трудом — не столько от физического напряжения, сколько от парализующего страха.

Шаги за спиной не ускорялись и не замедлялись. Преследователь шёл уверенно — и эта уверенность пугала сильнее, чем если бы он бежал за ней сломя голову.

Справа тянулся ряд заброшенных складов — длинные од-

ноэтажные здания с выбитыми окнами, затянутыми полиэтиленом, который трепетал на ветру. Она подумала свернуть туда и спрятаться, но тут же отбросила эту мысль. Внутри было темно, полно крыс и, возможно, бродяг, спящих на картонках среди пустых бутылок. К тому же она легко могла окончательно заблудиться в лабиринте помещений.

Слева чернела вода — тяжёлая, маслянистая, с плавающими на поверхности кусками пенопласта и пластиковыми бутылками. Луна, почти полная, отражалась в ней дрожащим пятном. Зина подумала — прыгнуть? Но она не умела плавать.

Во рту пересохло, в голове стучало одно: беги, беги, беги! И она бежала, спотыкаясь, едва не падая, хватаясь иногда за шаткие перила, которые, казалось, вот-вот обломятся.

Она вдруг вспомнила: солнечный день, рынок на центральной площади Сегдайска. Зина стоит у прилавка с фруктами, выбирает апельсины. Пакет неожиданно рвётся, и оранжевые шары раскатываются по грязному асфальту. Она бросается их собирать, расстроенная и смущённая, и вдруг рядом оказывается он — в светло-синей рубашке, с аккуратной стрижкой и доброй улыбкой. «Позвольте, я помогу», — говорит он, наклоняясь и подбирая апельсины быстрее неё. Руки большие, с длинными пальцами, движения аккуратные. Он возвращает ей фрукты, уже протёртые платком, смоченным в бутилированной воде. «Можете спокойно есть», — добавляет он, и в голосе звучит забота, которой Зина не слы-

шала уже давно.

Она моргнула, и воспоминание растаяло. Вернулась тёмная набережная, боль в стёртых ногах и ужас преследования. Почему тот, кто был так добр к ней, теперь загоняет её в ловушку?

Зина свернула за угол полуразрушенного здания портового управления. Здесь набережная делала крутой поворот, и на короткое время преследователь терял её из виду. Прижавшись спиной к холодной шершавой стене, она попыталась отдышаться и придумать план. Дальше дорога шла прямо, без единого ответвления, до самого завода. А там — тупик.

Закрыв глаза, Зина постаралась выровнять дыхание. Она снова увидела его лицо — спокойное, с правильными чертами, с внимательными глазами. Вспомнила, как он появился в подъезде с маленькой стремянкой и новой лампочкой. «У вас тут темень», — сказал он тогда. «Поменяю, пока кто-нибудь шею не свернул». Она была тронута вниманием постороннего человека. В Сегадайске, где все знали друг друга с детства, но мало кто готов был протянуть руку помощи, такая забота казалась чем-то из другого мира.

Шаги приближались. Зина прикусила губу, чтобы не закричать. Она бросилась дальше, уже не пытаясь бежать тихо. Каблуки громко стучали по плитам, отдаваясь эхом от стен пустующих зданий. Впереди маячил силуэт рыбоконсервного завода — огромный тёмный массив на фоне звёздного неба с торчащими трубами и провалами тёмных окон.

Лёгкие горели, каждый вдох отдавался болью в груди. Ноги больше не слушались, каждый шаг давался с трудом. Тёплая кровь стекала по правой щиколотке — ремешок туфли растёр кожу до волдырей. Она готова была упасть и просто ждать своей участи, но что-то внутри заставляло продолжать движение.

Зина снова увидела его — не преследователя в темноте, а участливого человека, который три недели назад помогал ей с матерью. Мать, прикованная к постели после инсульта, требовала постоянного ухода. Дочери нужно было уехать на два дня в областной центр, а соседка, обещавшая присмотреть за больной, внезапно слегла с гриппом.

Он появился на пороге с пакетом апельсинов — «Витамины для вашей мамы». Предложил помочь. Сначала Зина отказывалась — как можно доверить больную мать практически незнакомому человеку? Но выбора не было, и что-то в его глазах, в его спокойной уверенности заставило её согласиться.

Когда она вернулась через два дня, квартира сияла чистой. Мать была умыта, накормлена и, что самое удивительное, выглядела бодрее, чем за последние месяцы.

— Он золотой парень, — сказала она, поправляя одеяло дрожащими пальцами. — Не только кормил меня и давал лекарства вовремя, но и читал вслух. Представляешь? Никто мне не читал с тех пор, как отец умер.

Зина тогда была растрогана до слёз. Пригласила его на

чай, чтобы отблагодарить. Они просидели до поздней ночи, говоря обо всём на свете. Он рассказывал о своей работе, о том, как любит море, но не любит плавать. Она слушала, затаив дыхание, и думала, что, возможно, это судьба. Возможно, в их унылом приморском городке наконец появился человек, с которым она могла бы быть счастлива.

А теперь она бежала от него, задыхаясь от страха.

Вечер начался обыденно. Зина закрывала аптеку после смены — проверила кассу, выключила свет в подсобке, опустила жалюзи на витрине. Душный воздух Сегадайска дрожал от зноя, хотя солнце уже склонилось к горизонту. Капли пота стекали между лопаток, и она перехватила сумку, чтобы вытереть влажную ладонь о подол голубого платья — подарка матери на прошлый день рождения. Уже шагнула с крыльца, когда услышала его голос — такой знакомый, хотя знала она его всего три недели.

— Добрый вечер, Зина.

Он стоял, прислонившись к фонарному столбу, в светлой рубашке и тёмных брюках. Руки в карманах, улыбка располагающая. За это время он стал почти своим.

— Добрый вечер, — Зина растерялась. — Ты же только что в аптеке был. Минут десять назад.

— Был, — он развёл руками с лёгкой улыбкой. — Зашёл анальгин купить, голова с утра болит. Увидел тебя за прилавком, ты с этим парнишкой разговаривала, не стал отвлекать. А потом подумал: поздно уже, темнеет, чего тебе одной

идти? Решил подождать.

Такая забота — непривычная роскошь. В тридцать пять лет Зина привыкла всё делать сама: ухаживать за больной матерью, работать, чтобы хватало на жизнь и на лекарства, решать бесконечные бытовые проблемы старой квартиры. Его внимание казалось глотком свежего воздуха, хотя слегка настораживало.

— Спасибо, но я справлюсь. Здесь недалеко.

— Тогда просто позволь проводить. В твоём районе освещение... — он поморщился, — оставляет желать лучшего.

Зина помедлила. Он был прав. Северный район города после девяти вечера погружался в полутьму. Фонари там работали по настроению.

— Ладно, — наконец согласилась она. — Если тебе не сложно.

— Мне приятно, — он улыбнулся шире, и в уголках глаз собрались мелкие морщинки. Это успокоило Зину: она верила, что часто улыбающиеся люди не могут быть плохими.

Они пошли по улице Ленина — центральной артерии Сегадайска, связывающей старый город с новыми районами. Витрины немногочисленных магазинов ещё горели, над магазинами светились окна квартир невысоких двухэтажек.

— Как мама? — спросил он, ловко подхватив Зину под локоть, когда та слегка споткнулась о выступающую плитку. — Лучше?

— Немного. Врач говорит, динамика положительная. Она

уже может сидеть сама почти час, и речь становится разборчивее.

— Это замечательно. Знаешь, моя бабушка тоже перенесла инсульт, когда мне было пятнадцать. Доктора говорили, что она никогда не сможет ходить, но через год мы гуляли с ней в парке.

— Правда? — Зина посмотрела на него с надеждой. — Расскажи, что помогло?

Они шли дальше, и он рассказывал про реабилитацию бабушки: упражнения, массаж, народные средства. Зина впитывала каждое слово, мысленно делая заметки. Лишь краем сознания она поняла, что они уже миновали центральную площадь и углубились в жилые кварталы, где фонари стояли реже, а свет из окон едва просачивался сквозь плотные шторы.

— А эту настойку готовят на спирту или можно на водке? — уточнила Зина, когда они подошли к последнему ярко освещённому зданию на их пути — магазину «Волна».

— На водке даже лучше, — он посмотрел на часы. — Кстати, если хочешь, можем зайти купить. Помогу приготовить.

Предложение было заманчивым, но Зина покачала головой:

— Спасибо, но мама ждёт. Я обещала вернуться к девяти, чтобы дать ей таблетки.

— Конечно, — он не стал настаивать, и это тоже понра-

вилось ей. Всегда уважал её решения, никогда не давил. — Тогда пойдём быстрее.

После «Волны» улица Ленина плавно перетекала в узкий переулок, который местные называли Рыбацким — память о временах, когда здесь жили семьи рыбаков. Через него можно было выйти к Морской, где в типовой пятиэтажке на четвёртом этаже жила Зина с матерью. Знакомый маршрут, который она проделывала почти каждый день.

Но, вместо того чтобы свернуть в Рыбацкий, он легко направил её к узкой тропинке между гаражами.

— Куда мы идём? — Зина замедлила шаг.

— Короткий путь. Выйдем к твоему дому с другой стороны.

Она нерешительно посмотрела на тёмный проход. Хотя знала каждый уголок города, этой дорогой никогда не ходила. Здесь не было фонарей, лишь редкие окна верхних этажей недалёких многоэтажек бросали скудный свет.

— Я не знала, что здесь есть проход, — сказала она, не двигаясь с места.

— Местные знают, — он улыбнулся, не выпуская её локтя. — Не бойся, я провожу тебя.

Но что-то в его голосе — слишком уверенное — заставило Зину напрячься.

— Хорошо, — неохотно кивнула она, — но давай побыстрее. Мама ждёт.

Они свернули с освещённой улицы в проход между стары-

ми гаражами. Под ногами хрустело битое стекло и шуршал мусор. Зина шла осторожно, стараясь не подвернуть ногу на каблуках. Он держал её под руку, но хватка становилась всё крепче.

— Здесь темно, — заметила она, пытаясь скрыть растущее беспокойство.

— Сейчас будет светлее. Дальше есть фонарь.

Они вышли на пустырь, где в центре стоял одинокий столб с закреплённой сверху лампой, отбрасывающей круг жёлтого света. Зина не успокоилась — напротив, тревога её усилилась. Площадку окружали заросли дикого шиповника и старые яблони. Никаких домов, ни одного прохожего.

— Ты уверен, что это короткий путь? — спросила она, останавливаясь. — Мне кажется, мы идём в противоположном направлении.

— Доверься мне, — он повернулся к ней, и Зина увидела, как изменилось его лицо. Черты заострились. Он смотрел холодно и пусто.

Зина сделала шаг назад, но его рука сжала запястье до боли.

— Отпусти меня, — сказала она, стараясь говорить твёрдо, хотя голос дрожал.

Он усмехнулся — не той улыбкой, которую она знала, а другой, не затрагивающей глаз.

— Зина, — он произнёс её имя странно, будто пробовал на вкус, — не бойся.

Другой рукой он коснулся её щеки, провёл пальцем по скуле.

— Пожалуйста, отпусти, — повторила она, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Мне нужно к маме.

— Мама подождёт, — его голос стал ниже. — Побудь со мной. Я ведь помог тебе. Заботился о твоей матери. Теперь твоя очередь... позаботиться обо мне.

Последнее слово прозвучало так, что Зине стало физически плохо. Он резко притянул её к себе. Их лица оказались так близко, что она почувствовала его дыхание с запахом мятной жвачки и алкоголя.

— Отпусти, — в третий раз сказала она, уже громче.

Его свободная рука скользнула вниз, ухватила край платья и дёрнула вверх, задирая ткань. Холодные пальцы коснулись бедра и медленно поползли выше, нащупывая резинку белья.

Шок был сильным, и Зина на секунду оцепенела. Как мог этот человек, который помогал ей и матери, превратиться в чудовище?

Она среагировала раньше, чем успела подумать. Ударила его по щеке — звук пощёчины разорвал тишину пустыря.

От неожиданности он ослабил хватку, и Зина вырвалась, отскочила на несколько шагов. Сумка упала на землю, но она не заметила.

— Сука, — процедил он сквозь зубы, потирая скулу.

Кулак врезался ей в лицо. Она вскрикнула, колени подко-

сились, и Зина рухнула на землю, ободрав ладони о гравий. Вкус крови наполнил рот. Не глядя на него, она рывком поднялась и бросилась бежать в темноту. Прочь от жёлтого круга фонаря, от человека с пустыми глазами.

Зина бежала вслепую, спотыкаясь на каблуках, но не останавливаясь. Адреналин гнал вперёд, заглушая боль и усталость. Куда-то в сторону набережной, подальше от жилых домов — нелогичное, продиктованное паникой решение. За спиной слышались его шаги — спокойные, размеренные.

Бетонная стена рыбоконсервного завода выросла перед ней неожиданно — серая, с разводами плесени, покрытая граффити. Тупик. Справа чернел провал между складскими помещениями — слишком узкий, чтобы протиснуться. Слева — обрыв к воде. Ноги подкосились, и Зина оперлась рукой о холодный камень.

Она хватала воздух ртом. Смена в аптеке, где простояла весь день на ногах, а теперь ещё этот сумасшедший бег — всё отзывалось тяжестью в теле. Мышцы дрожали. В левой щиколотке пульсировала боль — последствие падения. Ремешок туфли на правой ноге врезался, растирая кожу до волдырей, каблук на левой шатался.

Сзади всё так же размеренно стучали шаги. Преследователь знал, куда она бежит. Знал, что здесь ловушка. И не торопился.

Зина резко обернулась, прижавшись спиной к стене. Душный августовский воздух не давал отдышаться. Рукав голу-

бого платья был порван — когда она дёрнулась из его рук на пустыре. Это было полчаса назад, но казалось, что прошла вечность.

Он появился из темноты почти бесшумно. Лунный свет, пробивавшийся сквозь рваные облака, выхватил его фигуру — крепкую, спокойную, уверенную. Зина смотрела на его руки. Руки, которые три недели назад подавали лекарства матери, поправляли подушки, переворачивали страницы книги.

— Зиночка, ну что ты, — сказал он тем же ласковым голосом, каким обращался недавно к её парализованной матери. — Куда же ты убежала?

Эта ласковость была настолько неестественной, что Зина не могла вдохнуть. Она сильнее вжалась в стену.

— Пожалуйста, — только и смогла выдавить она. — Просто уйди.

Он улыбнулся и сделал к ней ещё шаг. Теперь он стоял совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. Лицо, казавшееся таким открытым при первых встречах, сейчас выглядело чужим, незнакомым.

— Уйти? — он покачал головой. — После всего, что я сделал для тебя и твоей мамы? Ты знаешь, какие сейчас дорогие лекарства? Сколько стоит хороший уход? Нет, Зиночка, так не пойдёт.

Зина попыталась протиснуться вдоль стены, но он резко схватил её за плечо и притянул к себе. От него пахло чем-

то резким, химическим — как от антисептика, которым она протирала прилавок в аптеке. Этот запах смешивался с тяжёлым дыханием и совсем не походил на его обычный запах.

— Тебе не кажется, что ты мне должна? — голос стал ниже, а хватка на плече усилилась.

— Я заплачу, — Зина попыталась говорить спокойно. — У меня есть деньги дома. И я могу отдать часть зарплаты в следующем месяце...

— Деньги? — он рассмеялся, и смех отразился от бетонных стен. — Думаешь, мне нужны твои жалкие гроши? Нет, Зиночка. Ты можешь предложить кое-что получше.

Ладонь скользнула с плеча на шею. Пальцы сжались на горле — не сильно, но ощутимо, демонстрируя возможность.

— Пусти, — она хотела крикнуть, но из горла вырвался только сдавленный хрип. — Люди услышат...

— Какие люди? — он оглянулся на пустынную набережную. — Здесь никто не ходит после девяти. Только ты и я, Зиночка. И звёзды над нами.

Зина смотрела ему в глаза — серые, пустые. Она узнала этот взгляд. Так же смотрели на неё из-за аптечной стойки те, кто уже не мог жить без химического спасения. Но в его глазах не было следов опьянения — только холодная, расчётливая пустота. И это пугало сильнее.

Зина попыталась оттолкнуть его, но руки, ослабленные бегством и двенадцатичасовой сменой, не слушались. Он даже не шелохнулся, только сильнее сжал пальцы.

— Не надо, пожалуйста, — она заплакала. — Я не скажу никому, обещаю. Просто отпусти меня. Мама ждёт...

— Мама подождёт, — он повторил фразу, сказанную на пустыре, и в ней прозвучал приговор. — А вот мне надоело ждать.

Одним резким движением он толкнул её к стене. Затылок с тупым звуком ударился о бетон, перед глазами поплыли чёрные пятна. Не успела Зина прийти в себя, как его ладонь уже скользила по её телу, задирая подол голубого платья. Другой рукой он держал её за горло.

— Не надо, — почти беззвучно прошептала она.

В ответ пальцы только сильнее сдавили шею. Звуки вокруг стали глуше. Зина почувствовала, как рвётся ткань под его руками. Душный воздух коснулся обнажённой кожи.

— Какая ты красивая, — прошептал он. — С первого дня, как увидел тебя, сразу понял, что будешь моей.

Пальцы больно сжали грудь, потом скользнули ниже, нащупывая край белья. Зина попыталась оттолкнуть его, но каждое движение отдавалось вспышкой боли в затылке. Шершавая стена царапала спину, кожа саднила. Она почувствовала, как рвётся тонкая ткань под его нетерпеливыми пальцами.

— Пожалуйста, — из последних сил прошептала она. — У меня мама больная... Ей нужна помощь...

— Да что ж ты заладила про свою мать?! — раздражённо процедил он и ударил её по лицу, скорее для остротки. —

Заткнись уже!

Удар был достаточным, чтобы в глазах снова потемнело. Колени подогнулись, и если бы не рука на горле, Зина упала бы. Реальность распадалась. Она чувствовала, как он прижимает её к стене, как пальцы впиваются в кожу, как тело начинает неметь от недостатка кислорода. А потом наступила темнота.

Зина очнулась не сразу. Над головой было тёмное небо с редкими звёздами, пробивающимися сквозь облака. Нагретый за день камень под спиной. Боль — во всём теле.

Она лежала на земле, голая, беззащитная. Его тяжёлое тело нависало над ней, вжимая в жёсткие плиты. Он двигался размеренно и методично. От этой мысли к горлу подкатила тошнота.

Зина попыталась пошевелиться, но не слушалась ни одна мышца. Голова была странно лёгкой, мысли путались. Единственное, что она чувствовала ясно — это боль и унижение с каждым его движением.

На правой щиколотке болтались порванные трусики. Такая незначительная деталь среди этого кошмара, но почему-то именно она заставила Зину заплакать — беззвучно, глотая слёзы, которые смешивались с кровью из разбитой губы.

Он не обращал внимания на её слёзы. Дыхание становилось всё более тяжёлым, движения — резкими и грубыми. Запах мятной жвачки смешивался с запахом пота.

Перед глазами поплыли тёмные пятна, но сквозь них Зина всё равно видела звёзды. И ещё она видела мать — не прикованную к постели, а молодую, здоровую, какой та была на старых фотографиях. Мать улыбалась и протягивала руку.

Она никогда не узнает правды. Будет ждать дочь с работы, потом начнёт волноваться. Когда найдут тело, будет рыдать на похоронах. А рядом будет стоять он — утешать, поддерживать, держать за руку. И мать будет благодарна убийце за заботу.

Эта мысль была последней. Звёзды над головой вдруг стали особенно яркими, а потом начали гаснуть одна за другой. Перед глазами мелькнула вспышка света — может быть, Венера?.. А потом всё погасло.

Убийца держал ладони на её горле ещё несколько секунд после того, как она перестала дышать. Потом медленно убрал их и встал. Поправил одежду, застегнул ремень, одёрнул рубашку. Руками, на которых осталась засохшая кровь с разбитой губы, достал из кармана пачку сигарет и закурил. Выдохнул дым в тёплый ночной воздух и посмотрел на безжизненное тело у своих ног.

Зина лежала, раскинув руки. Кожа быстро бледнела. На шее виднелись тёмные синяки. Порванное бельё болталось на правой щиколотке.

Он затянулся ещё раз, потом бросил окурочек и тщательно растоптал его подошвой. Наклонился, чтобы вытереть ладони о джинсы — крови не было видно на тёмной ткани, но он

чувствовал её липкость на коже. Затем выпрямился, окинул последним взглядом тело и тихо сказал:

— Прости, Зиночка. Так получилось.

Развернувшись, он пошёл прочь от рыбоконсервного завода, обратно к городу, где в одной из квартир на четвёртом этаже его ждала женщина, прикованная к постели. Женщина, которая считала его золотым парнем и не знала, что ждать дочь больше не стоит.

Глава 2. "Маяк"

Бар «Маяк» просыпался медленно, неохотно выходя из ночного оцепенения. Утренний свет, просачивающийся сквозь пыльные окна, высвечивал пятна на деревянных столах и царапины на барной стойке — следы бесчисленных бутылок, стаканов и жизненных историй, которые посетители рассказывали здесь друг другу десятилетиями. В воздухе висел запах табачного дыма, пропитавший обшарпанные стены и потрёпанные занавески — застоявшийся, не выветривавшийся годами.

Стрелки на настенных часах, которые уже лет пятнадцать показывали время с точностью до десяти минут, приближались к одиннадцати. Семён, хозяин заведения, протирает стойку тряпкой, когда-то белой, а теперь приобретшей цвет старой половицы. Он делает это механически — одно и то же круговое движение, из года в год стиравшее лак с дерева.

В углу у окна тихо работал телевизор — древний «Самсунг» с выцветшим экраном, разбивавший каждую фразу дикторов на неразборчивые обрывки. Никто особо не вслушивался — утренние новости здесь редко интересовали кого-то больше, чем прогноз погоды и возможность удачной рыбалки.

Дверь открылась, впуская рыбаков. Они стряхивали воду с курток и топали мокрыми сапогами по полу, один достал

из кармана мятые рубли и пересчитал, другой направился к своему привычному месту у окна, третий кивнул бармену и показал два пальца, четвёртый молча сел за дальний стол, на котором были выцарапаны чьи-то инициалы.

Старик Михалыч, бывший капитан рыболовецкого судна, а теперь просто пенсионер с самым большим в городе уловом баек о советских временах, привычно расположился у стойки. Он выбивал корявыми пальцами едва слышный ритм по стакану с водкой, который Семён поставил перед ним, даже не спрашивая заказ.

— Как море сегодня? — спросил бармен, хотя прекрасно видел ответ по влажным пятнам на куртке Михалыча.

— Непокойное. Волна идёт с запада, к вечеру шторм будет, — старик опрокинул стакан одним движением, жадно. — Ставь ещё одну, от такой погоды в костях ломит.

В другом конце зала сидели четверо грузчиков с консервного завода — единственного предприятия в Сегдайске, которое продолжало работать после девяностых. Они говорили громко, хрипло после утренней смены, курили и пили пиво из больших кружек.

У входа, за столиком, который вечно шатался из-за неровного пола, сидели две продавщицы из универмага. Они обычно заходили перед рабочей сменой выпить по чашке кофе, который в «Маяке» был ужасен, но стоил дешевле, чем в новой кофейне на центральной площади. Кофе здесь готовили в турке, засыпая туда порошок непонятного происхож-

дения, но женщины не жаловались — для них важнее была возможность обсудить последние сплетни.

Дверь снова открылась, впуская серый свет и Татьяну Петровну — местную пенсионерку, которую за глаза называли «Всевидящее око». Она знала всё обо всех, а чего не знала, то додумывала с таким убеждением, что потом сама верила в собственные выдумки. Ходили слухи, что она ведёт дневники с наблюдениями о соседях, с точными датами и временем происшествий — от супружеской измены до неоплаченного кредита.

Татьяна Петровна вошла, держа под мышкой неизменный блокнот в потрёпанной обложке, а на поводке — старого мопса по кличке Кузя, жизнь которого состояла из сна, еды и неторопливых прогулок по периметру двора. Собака, явно привыкшая к маршруту, включавшему ежедневный визит в «Маяк», сразу направилась к дальнему столику, устроилась под табуретом и мгновенно заснула.

Хозяйка, напротив, была полна энергии. Она быстро оглядела зал, отметила всех присутствующих и приготовилась выдать первую порцию свежих новостей.

— Семён Аркадьевич, — обратилась она к бармену с той важностью, с которой могла бы обращаться к президенту страны, — что-то происходит в нашем городе. Я сегодня слышала, как Марь Иванна говорила с участковым. Про небережную и скорую помощь.

Семён пожал плечами, привычный к тому, что каждый

день в интерпретации Татьяны Петровны начинался с драмы.

— Мало ли что. Может, какой турист перебрал и в море полез.

— Ставлю сто рублей, что это Верка из третьего дома опять своего благоверного выгнала, а тот на набережной ночевал, — хохотнул один из грузчиков.

— Не Верка, а Вера Сергеевна, — поправила пенсионерка с укоризной. — И не в этом дело. Там что-то серьёзное. Я видела машину полиции и труповозку.

Последнее слово она произнесла со значением, и в баре стало заметно тише. «Труповозка» в маленьком городке — слово почти табуированное, особенно после печально известной серии самоубийств среди рыбаков три года назад, когда уловы упали до критического минимума.

— Да ну, брехня всё это, — махнул рукой Михалыч, но как-то неуверенно, пытаясь отогнать саму возможность новой беды.

В этот момент появился ещё один посетитель — долговязый парень в водительской фуражке набекрень. Его все знали как водителя единственного рейсового автобуса, курсирующего между Сегадайском и районным центром.

— Семён, сделай погромче, — он кивнул в сторону телевизора, где начинался новостной блок. — Там про нас говорят.

Тот взял пульт, увеличил громкость. Из динамиков донёлся бодрый голос диктора:

— Сегодня утром в районе старой набережной Сегадай-ска было обнаружено тело женщины. По предварительным данным, речь идёт об убийстве...

На экране появилась фотография — молодая женщина с русыми волосами, собранными в небрежный пучок. Снимок был явно сделан для документов, но лицо не выглядело скованным или напряжённым. Глаза смотрели прямо в камеру с той особой северной печалью, которая отличает жителей прибрежных городков.

— Зинка!.. — выдохнула одна из продавщиц.

Грузчики замолкли первыми, за ними рыбаки, потом все остальные. Даже музыкальный автомат у стены, который обычно выдавал случайные песни за бесценок, сейчас молчал — заглох в нужный момент.

— Зинаида Третьякова, тридцать пять лет, работала фармацевтом в местной аптеке, — продолжал диктор, и голос его стал заметно тише, надломился на тяжёлых словах. — Тело было обнаружено ранним утром рыбаками. По данным источников, близких к следствию, перед смертью женщина подверглась сексуальному насилию. Смерть наступила в результате удушения...

Старик Михалыч медленно перекрестился — движение, которое никто раньше не видел от этого закоренелого атеиста. Он сложил крест неловко, но пальцы, привыкшие к канатам и рыбацким сетям, довели жест до конца.

— Твою мать! — выругался негромко один из рыбаков,

сжимаемая кружку с пивом так, что пальцы побелели. — Какая же тварь могла...

Он не закончил фразу, но все поняли, о чём речь. Женщины за столиком у входа придвинулись ближе друг к другу, ища защиты. Одна шептала что-то на ухо другой, и та кивала, прикрывая рот ладонью.

Татьяна Петровна первой нарушила оцепенение. Она достала из сумки ручку и открыла блокнот на чистой странице. Сощурилась, взгляд стал цепким.

— Кто видел Зину последним? — спросила она громко, оглядывая бар. — Она вчера точно ходила в аптеку, я видела, как закрывала дверь около восьми. А потом?

Никто не отозвался. Семён продолжал механически протирать один и тот же стакан, хотя тот давно уже сиял чистой. Он смотрел в телевизор, где теперь показывали набережную, оцепленную полицейской лентой. За ней виднелись фигуры в форме и люди в штатском с фотоаппаратами и пакетами для улик.

— Я вечером шёл мимо набережной, часов девять было, — наконец сказал водитель автобуса. — Видел женский силуэт вдалеке, но не разглядел, кто это. Думал, туристка какая-нибудь.

— А никаких подозрительных людей не заметил? — Татьяна Петровна записала его слова, даже не глядя в блокнот. — Или странных звуков?

— Да какие там звуки, — отмахнулся шофёр. — Море

шумит, ветер. Обычное дело.

Один из грузчиков вдруг стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнули кружки.

— Это какой-то приезжий! Точно вам говорю. Наши на такое не способны.

— Да что ты знаешь про наших? — возразил рыбак с дальнего края зала. — Помнишь, как Васька-сварщик свою жену чуть не зарезал по пьяни?

— То другое. То по пьяни, да в аффекте. А тут... — он не закончил, но все и так поняли.

Дверь бара открылась, впуская Протасова — подтянутого мужчину лет сорока пяти в тёмно-синем костюме, который смотрелся неуместно среди выцветших рыбацких курток и рабочей одежды. Единственный в городе инспектор полиции остановился на пороге, и все разговоры мгновенно стихли.

Он молча обвёл взглядом помещение, задержавшись на лицах заводских.

— Кто-нибудь видел Семёна?

Бармен вышел из подсобки за барной стойкой, вытирая руки о фартук.

— Здесь я.

— Поговорим, — Протасов кивнул в сторону двери с надписью «Служебное помещение».

Все смотрели вслед уходящим. Как только дверь за ними закрылась, бар взорвался шёпотом. Татьяна Петровна, переходя от столика к столику, собирала сведения, записывая

каждое слово.

— Говорят, её изнасиловали перед смертью, — шептала одна из продавщиц, склонившись к уху подруги. — Марина из аптеки звонила, от медсестры узнала.

— Ужас какой! И никто ничего не слышал?

— Да кто там услышит... Там же промзона, глухомань. Вечером ни души.

Мужчины у стойки говорили громче, но тоже с оглядкой на дверь, за которой скрылся инспектор.

— Надо самим найти эту суку, — рыбак ударил кулаком по стойке. — Полиция найдёт, когда рак на горе свистнет.

— Типун тебе на язык! — осадил его Михалыч. — Ты чего это задумал?

— А ничего. Просто говорю, что если это кто-то из наших... из местных...

Он снова не договорил, но все и так поняли — по тяжёлому взгляду.

Телевизор продолжал работать, но сюжет уже сменился на что-то про политику. Никто не смотрел на экран — все обсуждали услышанное, строили версии, вспоминали Зину. Для маленького городка, где почти все знали друг друга, её смерть была не просто новостью, а трещиной в ощущении безопасности, которое давала жизнь в тесном сообществе, где чужаков видно сразу.

Только в одном углу бара было спокойно — там под табуретом мирно спал Кузя, свернувшись калачиком. Мопс ды-

шал ровно и глубоко, лапы иногда подёргивались во сне. Для него ничего не изменилось в привычном порядке вещей — ни запах табака, вьёвшийся в стены, ни звук старого музыкального автомата, который вдруг ожил и начал играть песню про море, ни даже смерть женщины, которую он, возможно, никогда и не видел. Мир собаки был прост и понятен — еда, сон, прогулка с хозяйкой.

Семён вернулся из подсобки один. Лицо у него посерело, осунулось.

Все снова замолчали.

За большим столом у окна расположилась компания — среди утреннего полумрака «Маяка» здесь было шумно и молодо. Они приходили сюда каждое воскресенье, занимая одно и то же место по негласному договору с остальными посетителями. Никто не оспаривал их право на этот угол — даже Михалыч, считавший бар своей личной территорией, признавал за молодёжью этот закуток возле окна, где свет падал особенно щедро, вырисовывая на деревянной столешнице прямоугольник солнца, изрезанный тенями рамы.

Дима Оборотов сидел, широко расставив локти, и с аппетитом уплетал яичницу из трёх яиц с беконом. Пальцы, вечно испачканные машинным маслом, сейчас блестели от жира, который он периодически вытирал о бумажную салфетку, мгновенно становившуюся прозрачной. После ночной смены в автосервисе Дима жадно набрасывался на еду, проглатывая большие куски почти не жуя.

— Здесь кетчуп есть? — спросил он, оглядываясь.

— На, держи, — Маша протянула красный пластиковый флакон, сама не отрываясь от стакана апельсинового сока, к которому едва притрагивалась губами.

После утренней пробежки она всегда пила сок маленькими глотками, растягивая удовольствие. Волосы, собранные в хвост, ещё не успели высохнуть после душа, и на футболке проступали влажные следы. Спортивный костюм обтягивал стройную фигуру, заставляя посетителей «Маяка» украдкой бросать взгляды в её сторону.

У окна сидели Коля и Света, привычно соприкасаясь плечами. Они почти не разговаривали, лишь изредка обмениваясь взглядами, в которых читалось больше, чем могли бы выразить слова. Света задумчиво водила пальцем по запотевшему стеклу стакана, рисуя невидимые узоры, а Коля следил за её рукой с таким вниманием, будто это было самое интересное зрелище на свете.

— А потом я ему говорю: «Слышь, начальник, если ты такой умный, почему у тебя кассовый аппарат с советских времён?» — громкий голос Вани перекрывал приглушённый гомон зала. — А он смотрит на меня как на идиота и отвечает: «Потому что он правильно считает». Представляете?

Ваня Черных, артистично размахивая руками, рассказывал очередную историю из своей жизни, в которой, как всегда, был и героем, и жертвой одновременно. Наташа сидела рядом, демонстративно закатывая глаза на каждом преуве-

личении, но не отвлекалась ни на миг, будто боялась пропустить хоть слово. Накрашенные ногти постукивали по столешнице в такт его речи — признак внимания, который она старательно маскировала выражением скуки.

— Ваня, ты невозможен, — сказала она, но в голосе слышалась скрытая улыбка.

Мила сновала между столиком и барной стойкой — методично, с неизменной заботой. Она приносила то чай для Светы, то ещё одну порцию еды для Димы, то салфетки для всех. Двигалась мягко, почти по-матерински, хотя многим из компании приходилась ровесницей.

— Все поели? Коля, тебе подогреть кофе? Света, может, ещё бутербродик? — Мила заглядывала каждому в глаза, стараясь предугадать желания до их возникновения.

В центре компании восседал Сергей Кузнецов — широкоплечий, уверенный, притягивающий к себе внимание. Пространство вокруг него освобождалось само собой. Он здоровался со всеми за руку — крепко, по-мужски, задерживая пожатие чуть дольше, чем требовалось. Особенно с теми, кто входил в бар.

— О, Семён! — Сергей поднял ладонь в приветственном жесте, когда бармен вернулся из подсобки. — Как жизнь? Что новенького?

Дверь снова открылась, и в бар вошла Ольга — в лёгком свитере, наброшенном поверх медицинской формы, с тёмными кругами под глазами после ночной смены. Два-

дцать три года, высокая, с тяжёлыми каштановыми волосами, убранными в небрежный узел. Она не старалась быть красивой — и именно поэтому была красивее всех в этом зале. Мужчины у стойки на секунду замолчали, провожая её взглядами. Ольга этого не заметила — или сделала вид, что не заметила.

— Долго ты, — сказала Мила, автоматически придвигая ей стул рядом с собой. Между ними было то спокойное молчаливое понимание, которое бывает между подругами с детства.

— Ночная, — коротко ответила Ольга, опускаясь на стул. — Двое новых поступили под утро. Один тяжёлый.

Она работала медсестрой в неврологическом отделении городской больницы — единственная из компании, кто выбрал профессию, где устают по-настоящему. Мила сразу пододвинула ей чашку, налила чаю. Ольга кивнула благодарно, обхватила чашку ладонями.

Петя тут же подсел ближе к ней. Ольга потрепала его по волосам, коротко, без фамильярности:

— Привет, Петь. Как ты?

— Хорошо, — Петя улыбнулся широко, искренне. — Ваня фокус показал.

— Покажешь мне потом? — спросила она у Вани. — А то у меня смена была, я ничего хорошего сегодня не видела.

Ваня с радостью кивнул. Сергей смотрел на неё чуть дольше, чем надо. Она этого не замечала. Или делала вид.

Между Сергеем и Милой сидел Петя Алексеев — под их негласной опекой. Он смотрел в тарелку с нетронутой едой, которую Мила поставила перед ним десять минут назад, аккуратно отделял желток от белка, раскладывая жёлтый круг в центре, окружённый белыми островками.

— Петя, ешь, остынет, — Мила поправила ему воротник рубашки, который постоянно сбивался на одну сторону. — Смотри, как Дима уплетает, бери пример.

Петя поднял глаза — открытые, доверчивые, с той особой глубиной, которая свойственна людям с синдромом Дауна. Он улыбнулся ей так, что Мила невольно улыбнулась в ответ и погладила его по плечу.

— Да, Мила, — ответил он тихо, но не притронулся к еде, возвращаясь к своему занятию.

— Смотри, Петя, фокус, — Ваня вдруг выудил из кармана блестящую монету и начал перекачивать её между пальцами. — Видишь? А сейчас она исчезнет!

Он сделал пасс рукой, и монета действительно исчезла, чтобы через секунду появиться из-за уха Пети. Тот расхохотался — громко, открыто, всем телом.

— Ещё! Ещё, Ваня! — он хлопал в ладоши, забыв про завтрак и про всё остальное.

— Хватит его дразнить, — заметила Наташа, но без настоящей строгости.

— Я не дразню, — возразил Ваня, снова выудив блестящую монету из воздуха. — Я развиваю мелкую моторику и

критическое мышление.

— Моторика у него! — хмыкнул Дима, подмигивая Маше. — Скажи ещё, что ты трюкам в университете учился.

— Можно подумать, ты свои гайки в университете крутить научился, — парировал Ваня, не отрываясь от представления.

Все засмеялись, и даже Света слегка улыбнулась, не убирая ладони с колена Коли. В их компании подшучивания были особым языком дружбы — чем острее шутка, тем крепче связь.

Сергей наблюдал за происходящим с лёгкой усмешкой, время от времени поглядывая на часы. Рука лежала на спинке стула Пети, почти касаясь его затылка — жест не то защиты, не то собственничества. Когда кто-то проходил мимо слишком близко, он незаметно придвигал Петю ближе к себе, ограждая от возможных столкновений.

— Может, ещё по чаю? — предложила Мила, собирая пустую посуду. — Я сейчас принесу.

— Спасибо, Милочка, ты наш ангел-хранитель, — ответил Ваня, поворачиваясь к Пете. — Вот смотри, теперь монета превратится в...

Он не успел закончить фразу. Монета застыла меж пальцев, когда Маша вдруг резко поставила чашку на стол.

— Как мы можем смеяться? — голос дрогнул. — Зину вчера убили, а мы сидим тут, как будто ничего не случилось. — Она подняла глаза, полные слёз. — Она же в соседнем

подъезде жила.

Плечи у неё подрагивали, она стискивала остывшую чашку так, что пальцы побелели.

— Я вчера её видела, — сказала Маша. — Шла с работы. Она мне улыбнулась.

Мила опустилась на стул, поставив поднос с посудой на край столешницы. Руки у неё дрожали.

— Не верится, — пробормотала она. — Зиночка... Совсем недавно в магазине... хлеб покупала и молоко.

Дима отодвинул недоеденное и потянулся к кружке с пивом. Он стиснул зубы, скулы напряглись.

— Сволочи! — процедил он, залпом выпивая половину. — Что же это творится?

Кулак с силой опустился на стол. Посуда подпрыгнула. Петя вздрогнул и подался к Миле.

Света молча прижалась к Коле. Он положил ладонь ей на бедро, пальцы слегка дрожали.

— Кто мог такое сделать? — спросила Наташа, ни к кому конкретно не обращаясь. — Это же Зинка... Она же такая...

Фраза оборвалась. Ваня, обычно не лезущий за словом в карман, молчал, машинально вертя в руке монету. Он как-то сразу сник.

Мила вытерла слёзы, беззвучно катившиеся по щекам:

— Она же совсем одна жила, только мать больная у неё была, и всё... Бедная Зиночка, боже мой!

Ольга смотрела на экран молча. Она видела смерть на ра-

боте — много раз. Лицо не менялось, но пальцы на чашке белели. Потом сказала тихо, ни к кому не обращаясь:

— Её привозили к нам в прошлом году. Давление. Я ей уколы ставила. Она шутила, что ненавидит иглы, а сама фармацевт.

Короткое, ровное замечание — и от этого страшнее, чем все слёзы вокруг. Света через стол накрыла её руку своей.

Петя тоже несмело положил руку Миле на плечо. Он переводил взгляд с одного лица на другое, не понимая, что происходит.

— Милочка, всё хорошо? — спросил он тихо, наклоняясь к ней. — Ты плачешь?

— Всё нормально, Петенька, — Мила попыталась улыбнуться сквозь слёзы, сжимая его ладонь. — Просто грустно очень.

— А что случилось с той тётей? — Петя кивнул на экран, где уже показывали другие новости.

— Плохой человек сделал ей больно, — ответил Ваня, впервые за несколько минут нарушая молчание. — Очень больно. Так, что она умерла.

— Зачем? — Петя нахмурился, пытаясь осмыслить услышанное.

— Потому что есть на свете страшные люди, — сказал Дима, допивая пиво. — Настоящие монстры.

Все вдруг заговорили одновременно, перебивая друг друга:

— Надо что-то делать...

— Полиция разберётся...

— А если нет?

— Вы думаете, это кто-то из наших?

— Да быть не может!

— Маньяк какой-то приезжий...

Сергей сидел, сгорбившись над столом, сжимая чашку так, что пальцы побелели. Веки у него покраснели, а на лбу пролегла глубокая морщина. Когда он наконец заговорил, голос дрогнул, сорвался на последнем слоге:

— Бедная Зина, — выдохнул он, судорожно сглатывая. — Такая молодая.

Все невольно посмотрели на него, ожидая продолжения, вопросов, версий — чего угодно. Но Сергей больше ничего не добавил, только медленно отпил из чашки, словно ему было нечего сказать о случившемся, словно эта тема не вызывала у него никаких вопросов или эмоций, кроме формального сожаления.

Мила заметила это молчание, на секунду задержала взгляд на его лице — спокойном, почти безмятежном, в отличие от остальных. Что-то промелькнуло в её глазах — не подозрение, скорее, недоумение, но она тут же отвернулась, снова обнимая Петю.

— Всё будет хорошо, Петенька, — сказала она, хотя голос дрожал. — Полиция найдёт этого человека.

В баре стоял приглушённый гул — все обсуждали случив-

шеся. Но за их столом замолчали. Петя смотрел на друзей, не понимая, почему их лица стали такими напряжёнными. Он подался к Миле, хотел спрятаться от чего-то непонятного.

Разговоры постепенно возвращались к привычному ритму — город пытался нащупать утраченное ощущение безопасности. Местные жители говорили о Зине тише, отводя глаза. Петя сидел, обхватив ладонями остывшую чашку с чаем, и хмурился.

— Протасов только что тут был, — нарушил затишье Дима, отодвигая пустую тарелку. — Семёна допрашивал в подсобке. Видели, какой мрачный вышел?

— Если убийца местный, инспектор его найдёт, — кивнул Ваня, понизив голос. — А если приезжий... — он покачал головой. — Тогда без спецов из области не обойтись.

— Ага, — хмыкнул Дима. — А помнишь, как он тебя допрашивал по делу о краже в магазине? Ты потом две недели в гараже прятался.

— Во-первых, не прятался, а ремонтировал машину, — Ваня притворно насупился, но в глазах уже плясали смешинки, — а во-вторых, не боялся я его, просто... уважал на расстоянии.

Наташа демонстративно вздохнула:

— Бедный, бедный Ваня. Как же тебя все обижают!

Слова вызвали негромкий смех, разрядивший обстановку, но Петя продолжал хмуриться, глядя в остывший чай.

Мила заметила это и обеспокоенно коснулась его запястья:
— Петенька, ты в порядке? Может, воды принести?

Он поднял на неё глаза — чистые, доверчивые, с той особенной глубиной, которая иногда заставляла собеседников отводить взгляд.

— Та тётя... Зина... она больше не придёт? — спросил он с детской прямоотой, и у Милы перехватило дыхание.

— Нет, Петенька, — она сжала его пальцы. — Она... ушла навсегда.

Петя медленно кивнул, хотя было видно, что полностью осознать услышанное он не может. В его мире смерть была чем-то из телевизора, а не тем, что могло случиться с реальным человеком, которого он видел два дня назад в аптеке, когда ходил за лекарством для матери.

— Мне страшно, — признался Петя вдруг, и все за столом замерли.

Сергей, молчавший до этого момента, положил ладонь ему на плечо. Жест был уверенным, тяжёлым.

— Не переживай, Петруха, — сказал он с той особой интонацией, которую приберегал для таких разговоров — чуть медленнее и громче обычного. — Разберутся.

Широкая кисть казалась чрезмерно тяжёлой на худом плече, но Петя не отстранился — наоборот, подался навстречу прикосновению, нуждаясь в защите.

— Точно разберутся, Серёжа? — переспросил он с надеждой, глядя на друга снизу вверх.

— Я тебе говорю, — тот кивнул с непоколебимой уверенностью. — У нас Протасов — зверь. Если он взялся, значит, найдёт этого... — осёкся, бросив взгляд на Петю, и закончил мягче: — найдёт, кто это сделал.

— А вдруг не найдёт? — не отставал Петя, для которого мир делился на простые «да» и «нет», без полутонов и неопределённостей.

— Найдёт, Петь, — вмешался Коля, до сих пор не проронивший ни слова. Тихий голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Полиция для того и существует.

Эти простые слова подействовали успокаивающе. Петя кивнул и вернулся к своему чаю, теперь уже совсем холодному.

Постепенно компания начала расходиться. Первой поднялась Ольга — ей нужно было домой, отсыпаться после смены.

— Мне через двенадцать часов обратно, — сказала она извиняющимся тоном, и Мила сразу закивала:

— Конечно, иди. Поспи.

Ольга наклонилась к Пете, коротко обняла его за плечи — без поцелуев, без слов, просто жестом. Петя прикрыл глаза. Эту её манеру — серьёзную, равную, без сюсюканья — он любил больше всего. Когда она вышла из бара, Сергей проводил её взглядом до самой двери. Ваня это заметил и приподнял бровь, но промолчал.

Следующими поднялись Коля и Света, сославшись на то,

что хотят прогуляться вдоль моря, пока погода позволяет. Света двигалась легко, а Коля шёл рядом — чуть ссутулившись, будто стесняясь своего роста. Когда они проходили мимо Пети, Света на мгновение задержалась, легко коснувшись его волос. Он улыбнулся ей — открыто, не умея и не желая скрывать радость.

Следующими ушли Маша и Дима — ей нужно было на тренировку, ему — доспать после ночной смены. Маша держалась прямо, двигалась чётко, экономно. Дима, наоборот, шагал расслабленно и вместе с тем мощно, занимая собой всё доступное пространство. Они шли, сцепив руки — контраст и странная гармония.

Ваня и Наташа задержались ещё ненадолго — ему нужно было обсудить с Семёном смену на следующую неделю, а она никуда не торопилась, рассматривая покрашенные ногти с преувеличенным вниманием. Когда они наконец направились к выходу, Ваня привычно обнял её за талию.

— Идёшь, Петя? — Мила стояла рядом, терпеливо ожидая, пока он допьёт чай. — Я тебя до дома провожу.

Сергей поднялся первым, отодвигая стул Пети с непринуждённой заботливостью:

— Я сам его провожу, Милочка. Мне всё равно в ту сторону.

В голосе не было вопроса — только утверждение, не подлежащее обсуждению. Мила на мгновение замешкалась, что-то промелькнуло в её глазах, но она тут же улыбнулась:

— Конечно, Серёж. Тогда до завтра, Петенька.

Она поцеловала Петю в щёку, оставив лёгкий след помады, который тут же вытерла большим пальцем. Он просиял, а Сергей положил ладонь ему на плечо — тяжёлую, с крупными пальцами, которые слегка сжались, направляя паренька к выходу.

Набережная встретила Колю и Свету прохладным ветром с моря. Здесь, вдали от центральной части с её туристами и местными гуляками, было тихо. Бетонные плиты под ногами покрылись трещинами, из которых упрямо пробивалась трава. Металлические перила, отделяющие дорожку от обрыва к воде, давно потеряли первоначальный цвет, приобретя оттенок чего-то среднего между ржавчиной и облупившейся зелёной краской.

Они шли молча, не касаясь друг друга, но рядом — в том особом пространстве близости, которое не требует постоянного физического подтверждения. Света смотрела на волны — тёмно-серые, с барашками белой пены, мерно накатывавшие на берег. Коля глядел под ноги, будто боялся споткнуться, хотя на самом деле просто наслаждался возможностью идти рядом, не думая о словах.

Они молчали — не неловко, а уютно, как люди, которым не нужно поддерживать разговор и заполнять затянувшиеся паузы. Слышался плеск волн, крики чаек и отдалённый шум города за спиной — привычные звуки Сегадайска, которые они полюбили за полтора года вместе.

Света первой заговорила — негромко, но в вечернем воздухе голос разносился отчётливо:

— Ты видел, как испугался Петя? Он не понял, что произошло. Только почувствовал, что все расстроены.

Коля кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

Света продолжила, задумчиво глядя перед собой:

— Знаешь, что самое странное? Когда его все утешали, он выглядел спокойнее, чем мы сами. Будто это он должен о нас позаботиться, а не наоборот.

Они подошли к старой скамейке, стоящей лицом к морю. Здесь давно никто не сидел, дерево потемнело от влаги и времени, но сиденье было сухим. Света опустилась на неё, и Коля сел рядом, сохраняя между ними расстояние в несколько сантиметров — не из стеснения, а из уважения к её личному пространству. Она сама подвинулась ближе, и их плечи соприкоснулись.

— У него синдром Дауна, Коля, — сказала Света, глядя на горизонт, где море сливалось с небом в единую серую линию. — Он умственно отсталый. Многого не понимает и никогда не поймёт.

Она говорила об этом буднично, без жалости — только констатация факта.

— Но знаешь, что меня поражает? — она повернулась к нему, прищурившись от солнечного света. Достала из сумки солнцезащитные очки и надела их одним плавным движением. — Суд признал его ограниченно дееспособным, а

не полностью недееспособным. Мать — опекун, но по решению суда он сам решает, с кем ему быть, с кем спать, на ком жениться. Сам.

Коля, не отрывая взгляда от моря, спокойно ответил:
— Я знаю.

Два простых слова, но в них не было отмахивания или безразличия — только принятие. Он действительно знал. Наблюдал, как Петя делает выбор каждый день — от простейших решений, вроде того, какую футболку надеть, до более сложных, например, с кем дружить. И эти решения, пусть иногда наивные или странные для окружающих, всегда были его собственными.

Света кивнула, удовлетворённая ответом. Достала из сумочки смятую пачку сигарет — привычка, от которой никак не могла избавиться, несмотря на все попытки. Коля протянул зажигалку. Она прикурила, сделала затяжку и выпустила дым, который тут же подхватил бриз.

— Иногда мне кажется, что он понимает людей лучше, чем все мы, — сказала Света задумчиво, глядя на тлеющий кончик сигареты. — Просто не может подобрать слова.

Коля накрыл её ладонь своей. Он тоже это видел — как Петя безошибочно определяет настроение человека, как чувствует фальшь, как тянется к тем, кто относится к нему без притворства.

— В нашем доме, — продолжила Света после паузы, — живёт женщина. Преподаёт в музыкальной школе. Так вот,

она рассказывала, что у них учится мальчик с таким же диагнозом. Он не может освоить нотную грамоту, путает длительности, но когда играет... — она замолчала, подбирая формулировку. — Когда играет, в его музыке столько чувства, что профессиональные музыканты плачут. Понимаешь?

Коля кивнул. Конечно, он понимал. Просто потому, что видел Петю — не только его ограничения, но и то, что ему дано.

Света докурила и тщательно затушила окурок о подошву ботинка, прежде чем бросить в урну. Она никогда не мусорила — маленький личный принцип.

Коля молчал дольше обычного. Потом сказал, не глядя на неё:

— Я вчера Петю видел.

— И что?

— Он с Зиной разговаривал. В аптеке.

Света повернула голову:

— С Зиной?

— Я мимо проходил, домой шёл. Уже темнело, в аптеке свет горел. Глянул в витрину — а там Петя у прилавка стоит. И Зина за прилавком. И они разговаривают. Петя другой был. Оживлённый. Руками махал, что-то ей рассказывал. Зина смеялась. Я первый раз видел, чтобы он так разговаривал. Как нормальный человек.

— Во сколько это было?

— Часов в восемь, наверное. Незадолго до закрытия. Я постоял минуту, посмотрел и пошёл дальше. Подумал — хорошо, что Зина с ним по-человечески, не как другие.

Света молчала. Зина закрыла аптеку, но до дома не дошла.

— Ты кому-нибудь говорил?

— Нет. Кому говорить? Это же Петя.

— Это же Петя, — повторила она. Но повторила так, что слышно было: уже не уверена.

Они сидели молча. Каждый думал об одном и том же — и оба молчали, потому что произнести это вслух было страшно...

— Я боюсь за него, — сказала она вдруг. — После того, что случилось с Зиной... город изменился. Люди будут искать виноватых. А Петя... он слишком заметный. Слишком другой.

Коля обнял её за плечи — редкий для него жест. Они сидели так некоторое время, глядя на воду — серо-стальную под полуденным солнцем, с редкими барашками пены на волнах. Городские звуки доносились сюда приглушённо, издалека.

— Пойдём, — сказал наконец Коля, поднимаясь и протягивая ей ладонь. — Надо вернуться.

Они двинулись обратно по набережной, держась за руки.

Атмосфера в баре становилась всё тяжелее. Солнечные лучи пробивались сквозь витражное стекло, расцветивая пол разноцветными пятнами, но не достигали лиц посетите-

лей, которые казались бледными. Семён включил дополнительные лампы — необычное решение для дневного времени, попытка разогнать сгустившийся сумрак.

Татьяна Петровна всё ещё занимала привычное место. Кузя тихо похрапывал у её ног, а она продолжала что-то записывать в потрёпанный блокнот, периодически оглядываясь по сторонам, боясь пропустить важную деталь.

Рыбаки у стойки пили уже не по первой, но не пьянели — привыкшие к крепкому, закалённые десятилетиями в море. Беседовали негромко, иногда замолкая на полуслове и переглядываясь, не нуждаясь в том, чтобы заканчивать фразы вслух.

В углу расположились двое грузчиков с консервного завода — остальные ушли на вечернюю смену. Они заказали по четвёртой кружке пива и двигались уже тяжело, медленно — хмель брал своё.

— Протасов-то ещё никого не арестовал, — заметил один из них, стирая пену с усов тыльной стороной ладони. — А ведь прошли уже сутки почти.

— Значит, нет подозреваемых, — откликнулся второй. — Или он знает, но доказательств не хватает.

— А может, и не найдёт никогда. Растворится этот гад в толпе, и поминай как звали.

— Не каркай, — оборвал товарищ. — В Сегадайске все всех знают. Надолго не спрячешься.

За их спинами неожиданно раздался женский голос — ти-

хий, но отчётливый:

— Она его знала.

Грузчики обернулись. За соседним столиком сидела женщина средних лет — местная портниха, чьё ателье располагалось за углом. Она редко заходила сюда, предпочитая более респектабельные заведения, но сегодня сидела здесь, сжимая стакан с чем-то прозрачным — то ли водкой, то ли минералкой.

— Чего? — переспросил грузчик, нахмурившись.

— Говорю, она его знала, — повторила портниха, глядя не на собеседников, а куда-то сквозь них. — Сама к нему пошла.

Все замолчали. Даже мопс под столом перестал сопеть и приоткрыл один глаз.

Никто не спрашивал, о ком идёт речь — все поняли. Она сказала это с такой убеждённостью, что сомнений не оставалось: убийца был не приезжим маньяком, не случайным преступником. Он был одним из них. Кем-то, кого они встречали каждый день. Кому кивали при встрече. Кому, возможно, пожимали руку за этой самой барной стойкой.

Грузчики уставились в свои кружки. Рыбаки отвернулись друг от друга. Татьяна Петровна замерла с ручкой над блокнотом, не решаясь записать услышанное.

За окнами незаметно стемнело — день прошёл в разговорах и молчании, в выпитых стаканах и недосказанных словах. Фонари на набережной загорелись — через один, как

обычно, создавая причудливый узор из света и тени. Где-то в этой темноте скрывался человек, который недавно был среди них, улыбался, разговаривал, жил обычной жизнью. А теперь на его руках была кровь Зины.

Пахло табачным дымом и плохим кофе. Люди избегали смотреть друг другу в глаза, прижимали руки ближе к телу, инстинктивно отодвигались от соседей по столику.

Каждый думал об одном: будет ли следующий, и кто он?

Глава 3. Она

Петя лежал в постели с широко открытыми глазами, глядя в потолок, на привычный узор штукатурки, образованный семнадцатью трещинами, которые следовало пересчитать перед тем, как начинать день. Каждое утро происходило одно и то же: открыть глаза, найти взглядом первую линию — тонкую, начинающуюся у левого угла и тянущуюся к центру комнаты, за ней — вторую, потом третью, и так — до конца, потому что, только пересчитав все, можно было спустить ноги с кровати и признать, что новый день действительно наступил. Эти отметины на потолке никогда не менялись, не исчезали, не появлялись в новых местах — и когда за дверью комнаты Надежда с Игорем кричали друг на друга, когда звенела посуда и хлопали двери, потолок оставался неизменным.

— Раз, — прошептал он, указывая пальцем в воздух на первую трещину, — два... три...

Губы двигались почти беззвучно, произнося числа, которые складывались в привычную последовательность: четыре, пять, шесть... И с каждой цифрой Петя чувствовал, как отпускает напряжение в плечах, потому что ритуал шёл правильно, без сбоев. Дойдя до десятой линии, он позволил себе улыбнуться — середина пути пройдена, скоро можно будет встать.

В комнате ничего не двигалось и не менялось — единственное место в квартире, где каждый предмет стоял там, куда Петя его поставил. На полке у окна выстроились сорок две раковины, собранные за годы походов на пляж, по одной за каждый «хороший день», и Петя помнил историю каждой из них. Вот эта, с розоватым отливом и сколотым краем, была найдена в один из лучших дней — Надежда тогда не плакала весь вечер и приготовила пирог с яблоками, от которого вся квартира пахла корицей. А вот эта, маленькая и почти круглая, — когда Сергей взял его с собой в гараж и разрешил подержать настоящие инструменты, тяжёлые, холодные, пахнущие машинным маслом.

Старый радиоприёмник «Океан» занимал своё место на тумбочке — подарок Игоря в один из тех редких дней, когда отчим был трезв и почти добр, когда его голос звучал негромко, а руки не сжимались в кулаки. Приёмник иногда хрипел и терял сигнал, но Петя всё равно включал его по вечерам, когда за стеной начинались крики и звон бьющейся посуды: прижимал ухо к динамику на минимальной громкости и слушал чужие голоса — дикторов, певцов, людей из другого мира, позволяя им заполнять голову вместо криков и ругани.

— Одиннадцать, двенадцать, тринадцать... — палец продолжал двигаться в воздухе, отмечая каждую знакомую трещину, и счёт шёл ровно, без запинок.

Из окна открывался вид на море — узкая полоска между

панельными пятиэтажками, горизонт, который в пасмурные дни сливался с небом, превращая мир в сплошную серую пелену. Сегодня поверхность воды была спокойной, гладкой, без единой волны, и Петя любил смотреть на неё, потому что она всегда была разной — то серой, то голубой, то почти чёрной перед грозой.

— Четырнадцать, пятнадцать... — Петя почти закончил счёт, когда звон разбитого стекла на кухне оборвал ритуал, и он замер с поднятым пальцем, застывшим между пятнадцатой и шестнадцатой трещиной.

Секунду было тихо, потом раздались приглушённые голоса — Надежда и Игорь, как всегда, ругались — сначала негромко, почти неразборчиво, потом всё громче, всё резче, и хотя Петя не различал слов, он слышал интонации: высокий, плачущий голос матери и низкий, хриплый голос отчима. Петя почувствовал тупую боль в груди, тело сжалось и напряглось.

Петя закрыл глаза и понял, что счёт сбился — теперь придётся начинать сначала. Когда утро идёт не так, как положено, случаются неприятности: можно забыть, что на лестнице ровно шестьдесят восемь ступенек, и споткнуться, можно перепутать дорогу до продуктового, хотя до него тысяча сто шагов от подъезда, если шагать обычным шагом.

— Раз, — снова начал он счёт, стараясь не слышать голосов с кухни, и пальцы сами нашли раковину на тумбочке — самую первую в коллекции, с заострённым краем и пер-

ламуровой внутренностью.

Петя обхватил её ладонью, чувствуя знакомую шершавую поверхность, и немного успокоился, потому что эта раковина была с ним уже десять лет — он подобрал её в свой восьмой день рождения, когда Надежда ещё не встретила Игоря и они ходили на пляж вдвоём, держась за руки.

Грудь сдавило, Петя задышал коротко и часто — так было каждый раз, когда в квартире начинался скандал. Хотелось стать маленьким и незаметным, забиться в щель между шкафом и стеной, исчезнуть, чтобы никто не видел и не слышал.

— Два... три... — числа отгораживали от происходящего за дверью.

Звуки на кухне становились громче, и что-то тяжёлое ударило о стену — может быть, стул, может быть, кастрюля, — после чего Надежда закричала, а Игорь выругался короткими резкими словами, которые Петя давно научился пропускать мимо ушей, не понимать, не впускать внутрь. Потом хлопнула входная дверь, и наступила тишина — внезапная, оглушающая после шума.

Петя продолжил считать — четыре, пять, шесть... — и на шестой отметке позволил себе выдохнуть, потому что хлопок двери означал, что Игорь ушёл, а может, Надежда заперлась в ванной, но в любом случае скандал закончился, хотя бы на время.

— Семь, восемь... — с каждым произнесённым числом Петя чувствовал, как отпускает, как давление в груди слабе-

ет.

Он поглаживал раковину, прослеживая пальцем её изви-
листый край, и эти простые повторяющиеся движения воз-
вращали порядок. На кухне негромко звякнула посуда — не
угрожающе, не резко, потом послышались лёгкие шаги На-
дежды и звук льющейся воды, и это были безопасные звуки,
часть нормального утра.

— Девять, десять, одиннадцать... — комната постепенно
наполнялась светом, серая вода моря за окном приобрела го-
лубоватый оттенок, на горизонте появилась тонкая полоска
рассвета.

Петя любил это время суток — тихое, пограничное, когда
ночь уже закончилась, а день ещё не набрал силу.

— Двенадцать, тринадцать...

Мир за дверью мог быть хаотичным и непредсказуемым,
люди могли кричать, плакать, уходить и возвращаться, но
в его мире всё подчинялось простым правилам: семнадцать
трещин на потолке, сорок две раковины на полке, шестьде-
сят восемь ступенек на лестнице, тысяча сто шагов до про-
дуктового магазина.

Когда люди смотрели на Петю, в их глазах мелькало что-
то — жалость или непонимание, или то и другое сразу, — и
они говорили между собой: «Не такой, как все», думая, что
он не слышит или не понимает. Врачи в районной поликли-
нике давно поставили ему диагноз с длинным непонятным
названием, но эти медицинские термины мало что значили:

Петя понимал мир иначе — через ощущения, прикосновения, ритмы и повторения. Сложные разговоры часто ускользали от его понимания, но настроение человека он считывал безошибочно — по походке, по дыханию, по тому, как звучит голос.

— Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... — на кухне шумел на плите чайник и стучали чашки о столешницу, что означало: скандал матери с отчимом закончен, можно будет спокойно позавтракать.

В такие дни Надежда обычно была тихая и печальная, но не злая — делала бутерброды с сыром, наливала сладкий чай и иногда даже пыталась улыбнуться, хотя глаза при этом оставались пустыми и усталыми.

— Семнадцать, — сказал Петя, и ритуал завершился.

Петя выдохнул с облегчением — день начался правильно, несмотря на утреннюю ссору за стеной. Он бережно положил раковину обратно на тумбочку, точно на то же место, где она лежала всегда, расправил одеяло, разгладил складки.

Память хранила все важные детали окружающего пространства: на зелёной облупившейся двери продуктового есть царапина внизу, похожая на букву «К», третья ступенька на лестнице скрипит громче остальных, от дома до автобусной остановки нужно пройти мимо трёх тополей, одного фонаря с разбитым плафоном и жёлтой скамейки с облупившейся краской. Когда всё вокруг менялось, эти постоянные величины помогали не потеряться.

Петя сел на край кровати и прислушался к звукам из кухни — было тихо, значит, можно выходить. Он медленно подошёл к двери, обхватил ладонью прохладную ручку и замер на секунду, потому что преодолеть порог комнаты, выйти в коридор, где могли ждать крики или молчание, было усилением. Петя глубоко вдохнул, повернул ручку, чувствуя, как холодный металл скользит под пальцами, и шагнул за порог.

На кухне пахло вчерашним перегаром и утренним кофе. Игорь сидел за столом, подпирая тяжёлую голову рукой, — волосы всклокочены, глаза красные от недосыпа и алкоголя, а Надежда суетилась у плиты, гремя посудой громче, чем требовалось, — так она всегда выражала молчаливый протест.

Петя замер на пороге.

— Доброе утро, — выдавил он, облизывая пересохшие губы.

Надежда обернулась, и её лицо на секунду смягчилось:

— Петенька, садись завтракать, я тебе яичницу сделала.

Игорь фыркнул, не поднимая глаз от чашки с кофе:

— Опять с кетчупом, небось? Как дитя малое.

— Он любит с кетчупом, — голос Надежды стал резким.

— И что такого?

— То такого, что ему восемнадцать, не пять.

Петя осторожно сел за стол, стараясь занимать как можно меньше места. Яичница на тарелке выглядела аппетитно — два жёлтых круга в красных кляксах кетчупа, и Петя взял

вилку, начав методично отделять желток от белка.

— О господи, даже есть нормально не может! — Игорь залпом допил кофе и с грохотом поставил чашку. — Слушай, Надь, нам деньги нужны.

— Какие ещё деньги? — Надежда повернулась от плиты, вытирая руки о старый фартук с выцветшими подсолнухами.

— Пенсия пацана, — голос отчима стал требовательным. — Ты когда последний раз её получала?

— Это его деньги, Игорь.

— А кто его кормит? Кто крышу над головой обеспечивает? — отчим стукнул кулаком по столу, и тарелка с яичницей подпрыгнула. — Я уже восемь недель без работы! Восемь! Ты понимаешь? Ты знаешь, сколько сейчас за коммуналку набезало?

— Знаю, — Надежда поджала губы, и седая прядь, выбившаяся из небрежно собранного пучка, делала её старше. — Но его пенсия не для твоей водки.

— Да пошла ты! — Игорь встал, едва не опрокинув стул. — Ты давно забыла, когда сама была трезвая больше суток. Что ты мне тут морали читаешь?

Петя смотрел в тарелку, не поднимая глаз, потому что разговоры о деньгах всегда заканчивались одинаково: сначала крики, потом что-нибудь разбивалось, а потом Надежда плакала в ванной. Он механически жевал яичницу, хотя уже не чувствовал её вкуса: белок, желток, кетчуп — ритм отгораживал от происходящего.

— Какой толк от этих денег, если они просто лежат? — отчим снова сел, тяжело опустившись на стул. — Ему они зачем? Он даже не понимает их ценности.

— Понимает, — Надежда подошла к столу и положила руку на плечо сына. — Он всё понимает, по-своему.

Петя чувствовал, как рука матери дрожит, и от неё пахло вчерашним вином и кремом для рук. Отец ушёл, когда Пете было два года, — он не помнил того дня, но слышал эту историю столько раз, что она стала частью его памяти.

— Твой отец — ублюдок, — говорила Надежда в один из тех вечеров, когда бутылка опустошалась быстрее обычного, — увидел медицинское заключение и ушёл. Даже не оглянулся. Сказал: «Я на такое не подписывался». Как будто ты — это «такое»!

Её голос срывался на крик, а потом переходил в рыдания, и Петя сидел рядом, не зная, что делать с этой информацией.

— Документы на пенсию где? — Игорь открыл ящик стола и начал рыться в бумагах. — Сколько там сейчас? Тысяч пятнадцать? Двадцать?

— Не трогай его документы! — Надежда метнулась к столу, пытаясь закрыть ящик. — У него ограниченная недееспособность, а не полная! Он сам принимает решения — что делать с деньгами, с кем спать, на ком жениться. Это его личное дело, понятно? Это суд так решил, а не я и не ты!

Игорь засмеялся — хриплым, лающим смехом:

— Что значит «сам»? Он даже шнурки на ботинках не мо-

жет завязать. О какой женитьбе ты говоришь? Ты себя слышишь?

— Ты сам-то видел своё свидетельство о браке? — Надежда скрестила руки на груди. — Оно тебе сильно помогло?

Они не были женаты, хотя жили вместе почти семь лет. Сначала Игорь казался спасением: работал, не пил, приносил Пете гостинцы, перебрался к ним — сначала приходил на выходные, потом остался насовсем, починил протекающий кран, перестелил линолеум, наладил отношения с соседями. Жизнь стала легче, и Надежда впервые за долгое время начала улыбаться. А потом Игорь потерял работу — первый раз, второй, начал выпивать сначала по праздникам, потом по пятницам, а теперь практически ежедневно... И Надежда начала пить вместе с ним, «чтобы он не ругался», говорила она поначалу, потом — по привычке, а теперь уже не могла остановиться.

Петя посмотрел на свои руки — широкие ладони, короткие пальцы, которые не слушались, когда нужно было завязать шнурки или застегнуть мелкие пуговицы.

Игорь и Надежда продолжали спорить за стеной, их голоса то поднимались, то опускались, и Петя протянул руку к радиоприёмнику, стоявшему на тумбочке — старому, с витыми ручками и треснувшей шкалой. Щелчок, и комнату наполнили звуки: шипение эфира, обрывки музыки, чей-то голос, рассказывающий о погоде, треск, помехи, снова музыка.

Петя сунул руку в карман и достал раковину — с перла-

мутровой внутренностью, шершавую. Он провёл пальцем по спирали, чувствуя каждый изгиб, каждую неровность, и начал считать витки.

Из комнаты матери и Игоря донёсся звук удара — не громкий, но отчётливый, и Петя вздрогнул, раковина выпала из пальцев и покатилась по столу, но он поймал её в последний момент, чтобы она не упала на пол.

Нужно было уйти, пока всё не стало ещё хуже. Петя встал из-за стола и направился в прихожую, где на дне шкафа хранились запасные кроссовки с липучками — Надежда купила их в прошлом году, когда старые совсем износились, сказала тогда, что липучки лучше, чем шнурки, и ему будет легче обуваться самому.

Он достал кроссовки и сел на маленький пуфик у двери. Каждое движение давалось с усилием — не из-за физической слабости, а из-за необходимости постоянно контролировать руки, заставлять их делать то, что нужно. С футболой было проще — она просторная, с широким воротом, а вот рубашка, которую он хотел надеть поверх, требовала терпения — маленькие пуговицы не хотели пролезать в узкие петли, и Петя прикусил губу, сосредоточенно продевая пуговицу за пуговицей. Большой палец не слушался, соскальзывал, но он упорно продолжал, методично застёгивая рубашку снизу вверх, так что даже лоб покрылся испариной. Надежда обычно помогала с одеждой, но сейчас хотелось справиться самому.

— Петенька, ты куда? — голос матери застал его врасплох: она стояла в дверях с растрёпанными волосами и красными глазами, голос звучал пьяно, нежно, виновато — всё одновременно.

— Гулять, — ответил Петя.

Она смотрела на него с той особой смесью любви и вины, которую Петя научился распознавать ещё в раннем детстве. Она любила его по-своему, отчаянно, неумело, работала на двух работах, таскала по врачам, отстаивала в специальных школах, выбивала льготы и пособия, но где-то по пути сломалась — и теперь смотрела на своего взрослого сына глазами, полными слёз.

— Подожди, я тебе помогу, — Надежда шагнула вперёд, но покачнулась и схватилась за дверной косяк.

Петя встал с пуфика и неловко обнял Надежду. От матери пахло вином и духами, которыми она не пользовалась уже много лет, — остатки флакона хранились в шкафу.

— Я скоро, — он сказал эти слова медленно, стараясь, чтобы они прозвучали чётко.

— Хорошо, Петенька, — она погладила его по волосам. — Будь осторожен. И не разговаривай с...

Окончание фразы потерялось, когда Петя закрыл за собой входную дверь. Лестничная клетка встретила его запахами сырости, кошачьей мочи и стирального порошка — шестьдесят восемь ступенек вниз, и он знал каждую, помнил, какая скрипит, какая выщерблена по краю, какая выкрашена в

другой оттенок серого.

На третьем этаже пахло жареной рыбой — семья Кузнецовых всегда готовила рыбу по утрам в воскресенье, на втором играла музыка — что-то старое, советское, из тех песен, которые Надежда любила раньше, на первом этаже кто-то громко разговаривал по телефону — женский голос, раздражённый, уставший.

Наконец, дверь подъезда — толкнуть плечом, потому что она всегда заедала в середине, — и вот он уже на улице, в воздухе, наполненном запахами города: выхлопные газы, цветущие липы, влажный асфальт после утреннего полива.

Во дворе Татьяна Петровна выгуливала своего мопса Кузю — собака медленно обнюхивала каждый куст, а хозяйка терпеливо ждала, поглядывая по сторонам.

— Петенька, здравствуй! — она заметила его и приветливо помахала рукой. — Ты завтракал?

Петя кивнул, не останавливаясь.

— Куда так рано? Маме привет передавай! — крикнула она ему вслед, а потом, думая, что он уже не видит, достала блокнот и что-то записала.

Этот блокнот Петя часто видел — маленький, с потёртой обложкой.

Миновав двор, Петя вышел на улицу и пошёл привычным маршрутом — всегда одним и тем же, по одной стороне, мимо одних и тех же домов. Булочная с облупившейся вывеской встретила знакомым хлебным запахом — здесь продав-

щица Нина всегда давала ему конфету. Чуть дальше парикмахерская «Локон» сверкала чистыми окнами. За углом под неоновой вывеской расположился гастроном, куда Игорь ходил за водкой каждую пятницу.

Солнце поднималось всё выше, асфальт нагревался под ногами, пахло солёной рыбой с рынка и морем. Петя шёл ровным шагом, считая про себя: тысяча сто шагов до магазина, если идти, как обычно.

— Петенька, привет! — Нина выглянула из булочной, на ходу вытирая руки о фартук. — Заходи, у меня для тебя есть кое-что.

Петя остановился и зашёл в магазин, где прохладный воздух кондиционера смешивался с запахом свежей выпечки. Нина протянула ему леденец в яркой обёртке:

— Держи. Клубничный, твой любимый.

— Спа-сибо, — Петя старательно выговорил каждый слог.

— Пожалуйста, солнышко, — Нина улыбнулась. — Как мама?

Петя помолчал, подбирая простые слова:

— Мама... дома.

— Передавай ей привет, — продавщица вздохнула и отвернулась к другому покупателю.

Петя вышел из булочной, развернул конфету, и клубничный вкус растёкся по языку. Он продолжил путь, ощущая на себе взгляды прохожих: кто-то смотрел с жалостью, кто-то отводил глаза, делая вид, что не замечает, некоторые улыба-

лись — искренне или из вежливости, он не всегда мог различить.

Он шёл по улице, подставляя лицо тёплому летнему ветру, и впереди был целый день, а где-то там, за домами, ждал пляж.

Набережная Сегадайска была залита солнцем, и в этот час здесь было тихо и безлюдно. Волны набегали на берег с тихим шелестом, Петя сел на скамейку с облупившейся зелёной краской и выцарапанными инициалами, вытянул ноги. Здесь, вдали от дома, воздух казался чище.

Петя достал из кармана раковину и принялся водить по ней пальцем, ощущая знакомые изгибы и шероховатости. Он смотрел на воду. Над головой кричали чайки, где-то вдалеке гудел катер.

— Петруха! — громкий голос разорвал тишину, и Петя вздрогнул, но тут же узнал знакомые интонации. — Опять отчим напился?

Сергей Кузнецов приближался широким уверенным шагом, слегка покачиваясь на ходу. Он был крупным, широкоплечим. На лице сияла улыбка, которая делала его моложе.

— Привет, Серёжа, — Петя улыбнулся в ответ, отвлекаясь от созерцания воды.

Ещё в школе, когда местные хулиганы решили позабавиться с «дурачком», именно Сергей, тогда старшеклассник, раскидал их и проводил Петю домой, крепко держа за руку.

— Так что, правда напился? — Сергей сел рядом, заняв

сразу две трети скамейки, и его плечо коснулось плеча Пети, тёплое и твёрдое. — Видел его вчера в «Маяке», он там до закрытия просидел.

Петя кивнул, не вдаваясь в подробности.

Тяжёлая рука опустилась на плечо Пети, и он прикрыл глаза на мгновение, ощущая тяжесть и тепло ладони.

— Петенька! — женский голос прозвучал звонко среди шума прибоя. — А я так и думала, что найду тебя здесь!

Мила Романова спешила к ним от угла набережной, держа в руках бумажный пакет с эмблемой булочной. Её короткие каштановые волосы подпрыгивали в такт шагам. В свои двадцать два она выглядела хрупкой, с выразительными глазами, но в них уже проглядывала особая усталость.

— Я тебе бутерброд принесла, — Мила опустилась на скамейку с другой стороны от Пети, доставая из пакета завернутый в салфетку свёрток. — Только из печки, с ветчиной и сыром. Ты ведь любишь с сыром?

— Да, — Петя кивнул, принимая бутерброд, и его пальцы слегка дрожали — дома он не успел доесть свою яичницу из-за ссоры матери с отчимом.

Мила тут же заметила эту дрожь и нахмурилась:

— Ты сегодня ел вообще? Петенька, нельзя же так, на голодный желудок...

Она не закончила фразу, просто покачала головой и принялась поправлять воротник его рубашки, который действительно был застёгнут криво. Её пальцы, ловкие и быстрые,

привели в порядок не только воротник, но и расправили складку на рукаве. Петя терпеливо ждал, пока она закончит.

— Дай человеку поесть спокойно, Милка, — усмехнулся Сергей, взъерошив волосы Пети широкой ладонью.

— Привет, народ! — раздался ещё один голос, и к скамейке подошёл Ваня, помахивая пакетом из супермаркета. — Я смотрю, у нас тут опять собрание клуба анонимных спасателей Петрухи?

Он подмигнул Пете, показывая, что шутит. В отличие от Сергея с его тяжёлой основательностью, Ваня был лёгким, худым, подвижным, с вечно растрёпанными волосами и хитрой улыбкой.

— Эй, Петруха, смотри! — Ваня выхватил из воздуха колоду карт, и она появилась между его пальцев так быстро, что Петя не успел заметить движения. Ваня веером разложил карты перед ним. — Выбери любую, только никому не показывай.

Петя осторожно вытянул карту из середины, прижал к груди и украдкой взглянул на неё.

— Запомнил? — Ваня забрал карту, вернул в колоду и начал тасовать так быстро, что карты мелькали сплошным пятном. — Сейчас твоя карта... — он щёлкнул пальцами, — исчезнет!

Он снова разложил карты веером, и Петя растерянно заморгал, перебирая их взглядом.

— Нету, — прошептал он.

— А где же она? — Ваня театрально огляделся по сторонам, потом резко потянулся к уху Милы и вытащил оттуда выбранную карту. — Вот она где пряталась!

Петя заулыбался — широко, всем лицом.

— Ещё! — он захлопал в ладоши, забыв про бутерброд, который едва не упал на землю, но был вовремя подхвачен Милой.

Ваня достал из кармана яркий шёлковый платок, скомкал его в кулаке, дунул — и вместо платка в руке оказался бумажный цветок. Он протянул его Миле с шутливым поклоном, а когда она потянулась взять цветок, тот вспыхнул и превратился в облачко конфетти.

— Да ты прямо Акопян, — хмыкнул Сергей, когда Ваня наконец иссяк.

— Амаяк, между прочим, — поправил тот с шутливой серьёзностью. — Уважайте отечественных мастеров.

Петя переводил взгляд с одного на другого, улыбаясь.

Но улыбка Сергея вдруг исчезла:

— Так что там у вас дома, Петруха? Опять Игорь про деньги?

Петя нахмурился.

— Он кричал, — наконец сказал он. — И мама плакала. Из-за денег. Моих денег.

— Твоей пенсии? — уточнил Сергей.

Петя кивнул, опуская глаза.

— Он говорил, что нужны деньги за коммуналку. Но мама

сказала, что это на водку.

— Сволочь, — процедил Сергей, сжимая кулаки. — Я же говорил твоей матери, что он опять за старое возьмётся. Сколько можно?

— Он ударил её? — тихо спросила Мила, касаясь руки Пети.

Петя покачал головой:

— Не видел. Но был громкий звук. Как будто что-то упало.

Мила и Сергей переглянулись над его головой.

— Может, тебе остаться у кого-нибудь из нас на какое-то время? — предложила Мила. — У меня диван в гостиной свободный...

— Или у меня, — подхватил Ваня. — Места мало, но для Петрухи найдётся.

Сергей нахмурился и покачал головой:

— Нет, ему лучше дома. Я поговорю с Игорем. Объясню ему кое-что про жизнь.

Петя съёжился.

— Не надо, — попросил он тихо. — Не говори с ним. Будет хуже.

— Не бойся, Петруха, — рука Сергея снова легла на его плечо. — Я умею говорить так, чтобы понимали. Он не тронет ни тебя, ни твою мать.

Мила поджала губы, но промолчала.

— Лучше сходите на пляж, — предложил Ваня. — День-

то какой! Грех сидеть на скамейке, когда вода рядом.

— У меня смена через час, — покачал головой Сергей. — А вы идите.

— Я тоже не могу, — вздохнула Мила. — Обещала маме с готовкой помочь. Ваня, может, ты с Петей сходишь?

— Вообще-то я за пивом вышел, — Ваня поднял пакет из супермаркета. — Наташка ждёт, у нас сериал сегодня.

Они все посмотрели на Петю.

— Я сам, — сказал он, удивив даже себя. — Я хочу сам.

Сергей нахмурился:

— Уверен? Народу много, затеряешься...

— Не затеряюсь, — Петя говорил медленно, но твёрдо. — Я знаю дорогу.

Сергей собирался что-то возразить, но Мила положила руку ему на предплечье:

— Пусть идёт, если хочет. Он же не маленький.

— Ладно, — неохотно согласился Сергей. — Но если что — сразу звони. У тебя же есть телефон?

Петя кивнул и похлопал по карману брюк, где лежал старенький кнопочный телефон с большими цифрами.

Они распрощались: Сергей на прощание крепко сжал плечо Пети, Мила поцеловала его в щёку, оставив лёгкий запах цветочных духов, Ваня просто махнул рукой и подмигнул. И Петя остался один.

Он спустился к воде по бетонным ступенькам, считая каждую — тридцать шесть ступеней вниз, каждая чуть выщерб-

лена по краю, на двадцать третьей тёмное пятно, похожее на кошку. Песок был мягким и тёплым, тепло проникало сквозь тонкую подошву обуви. Петя аккуратно разулся, поставив кроссовки рядом, мисками к воде, и пошёл к кромке прибоя.

Первое прикосновение волны к ступням вызвало блаженную улыбку — вода была прохладной после солнечного зноя набережной, но не холодной, июнь — море успело прогреться. Петя зашёл глубже, до колен, чувствуя, как штанины шортов намокают от брызг. Он смотрел вниз, наблюдая, как песок уходит из-под ног с каждой отступающей волной.

Солнце грело спину и плечи, вода охлаждала разгорячённые ноги. Чайки парили над головой — и вдруг падали в воду, выхватывая мелкую рыбёшку.

Он бродил по кромке прибоя, глядя под ноги в поисках интересных находок — волны каждый день выбрасывали что-нибудь: обкатанные до гладкости стёклышки, странной формы камни, иногда монеты или куски керамики, отполированные до блеска водой и временем.

Петя увидел её сразу — белая с розоватым отливом, спиралевидной формы, она лежала на песке. Он осторожно поднял раковину, отряхнул от песка и поднёс к уху — в детстве Надежда говорила ему, что в раковинах можно услышать шум прибоя, теперь он знал, что это просто воздух, движущийся по спирали внутри, но всё равно слушал.

Бережно завернув раковину в носовой платок, он положил её в карман шортов — ещё один хороший день, ещё одна

находка для коллекции.

Он брёл вдоль кромки воды, не спеша, разглядывая песок под ногами и изредка поднимая голову, чтобы посмотреть на горизонт, где небо встречалось с водой и иногда можно было увидеть корабли — маленькие чёрные точки на фоне бесконечной синевы.

Мимо прошла семья — мать, отец и маленький мальчик лет пяти. Ребёнок смеялся, подпрыгивая на каждом шаге и разбрызгивая воду вокруг себя, отец держал его за одну руку, мать за другую, и они вместе поднимали сына над особенно большими волнами, вызывая у того восторженный визг.

Петя улыбнулся, глядя на них, но потом улыбка погасла. В груди стало тяжело.

Он поднял голову, провожая взглядом удаляющуюся семью, и вдруг заметил дальше по пляжу одинокую фигуру. Девушка стояла у самой воды, направив фотоаппарат на линию горизонта. Её короткие волосы трепал ветер, лицо было сосредоточенным.

Петя замер, разглядывая незнакомку — в ней не было ничего необычного, просто девушка, фотографирующая пейзаж, каких много на пляже, но что-то заставило его остановиться и смотреть. Может быть, это было то, как она стояла — слегка ссутулившись.

И тут она опустила камеру и повернулась. Их взгляды встретились через расстояние в десяток метров. Петя ожидал того, что происходило обычно — что она быстро отвер-

нётся или посмотрит с той особой снисходительной улыбкой, с которой взрослые смотрят на детей и на людей вроде него.

Но эта девушка смотрела иначе — прямо и открыто, с лёгким любопытством, но без жалости. Она не отводила взгляд, не делала вид, что занята чем-то другим. Просто смотрела.

Девушка слегка кивнула ему и снова подняла фотоаппарат, теперь направив его в сторону Пети. Он не знал, сфотографировала она его или просто сделала вид, что щёлкнула.

Глава 4. Камера и море

Кира Волкова смотрела на мир через видоискатель. Солнце жгло кожу, песок набивался в сандалии, а волны шумели так монотонно, что нервы сами собой отпускало. Сквозь объектив пляж Сегадайска выглядел иначе — не скоплением потных тел и детского визга, а набором композиций, контрастами, немymi историями. Девушка фиксировала их машинально, не задумываясь, зачем ей эти снимки и кто их когда-нибудь увидит.

«Никон» висел на шее, отгораживая фотографа от реальности. Кира поймала в кадр группу подростков, играющих в волейбол — загорелые тела на фоне синей воды. Щёлкнул затвор. Пожилая пара под выцветшим зонтиком читала одну книгу на двоих. Ещё щелчок. Молодая женщина на ярко-оранжевом полотенце прикрывала лицо от солнца журналом. Ещё кадр.

Девушке было двадцать пять лет. Короткая мальчишеская стрижка, льняная рубашка поверх купальника. Украшений почти не было — только тонкий серебряный браслет на запястье, напоминавший о ком-то, кого здесь не было. Если бы кто-нибудь фотографировал саму Киру, он увидел бы человека, который старательно делает вид, что не существует. Она держалась на границе пляжа, где песок переходит в бетон набережной, будто сама не знала, кто она — отдыхающая

или наблюдатель.

В Сегадайске Кира жила несколько месяцев, но город всё ещё казался ей чужим. Продавщица в булочной на углу помнила её имя, почтальон кивал при встрече, соседка иногда просила присмотреть за котом — но прирасти не получалось. Впрочем, именно из-за этого девушка и держалась за Сегадайск — из-за готовности города не замечать, за молчаливое позволение дышать, не объясняя никому, почему каждый вдох даётся с трудом.

Пляж жил своей жизнью. Старые зонтики с выгоревшими полосами, полотенца всех мыслимых цветов, разбросанные по песку, пластиковые шезлонги с трещинами на подлокотниках, надувные матрасы, дрейфующие у берега. Кира снимала всё подряд, собирая архив чужого лета, чужого беззаботного счастья, будто хотела, накопив достаточно кадров, наконец понять, как устроена нормальная жизнь.

Семья появилась в поле зрения внезапно — мать, отец и мальчик лет пяти, вышедшие из воды и теперь идущие по кромке прибоя. Их выделяло не счастье — на пляже все делали вид, что счастливы, а что-то между ними, какая-то связь, которая не рвалась, даже когда ребёнок отбегал вперёд или отец на секунду останавливался, чтобы поднять ракушку.

Кира навела камеру. Ребёнок прыгал, разбрызгивая воду, родители держали его за руки с двух сторон, поднимая над особенно большими волнами. Щёлкнул затвор. Мать накло-

нилась, убирая мокрую прядь с лица мальчика, привычно, не думая. Ещё щелчок. Отец — высокий, с наметившейся лысиной — остановился и поцеловал жену в висок, как будто это ничего не стоило. Ещё кадр.

Взгляд ребёнка — доверчивый, распахнутый — застал Киру врасплох. Что-то в этих глазах... Камера опустилась, но было поздно.

Воспоминание накрыло её без предупреждения. Сначала пришёл запах антисептика — тот, что въедается в стены, простыни и кожу. Больничный запах из Санкт-Петербурга, связанный с последней встречей с братом, вдруг настиг её здесь, на солнечном берегу моря.

Тяжёлые шторы на окнах, не пропускающие свет. Тусклые лампы дневного света, от которых лица казались мертвенно-бледными. И глаза — точно такие же доверчивые, распахнутые, как у того мальчика на пляже, только на лице с мягкими чертами человека с синдромом Дауна. Глаза Толика, которого Кира оставила там, за закрытой дверью интерната.

— Кирочка, ты придёшь завтра? — голос звучал так ясно, точно это было вчера, а не пять лет назад.

— Конечно, приду, — соврала она.

Дверь закрылась с глухим звуком, отрезая от брата. Кира пошла по длинному коридору, вжав голову в плечи и ускоряя шаг, но всё равно слышала, как Толик зовёт её по имени, и голос становился тише с каждым шагом, пока не растворился в стерильной тишине.

Девушка моргнула — и прошлое отпустило. Она снова стояла на пляже Сегадайска, чувствуя под ногами горячий песок, слыша крики чаек и плеск волн. Кадр с семьёй был уже упущен — они ушли дальше по берегу, превратившись в точки на фоне воды. Их место заняли другие — загорелые дочерна местные подростки с мячом, группа пенсионеров в панамках, женщина, кричащая на ребёнка за упущенное в песок мороженое.

Пальцы крепче сжали камеру. Фотография — способ смотреть на жизнь, не принадлежа ей. Способ делать вид, что снимаешь чужое существование ради искусства, а не потому, что своё рассыпалось — и непонятно, как собрать.

В Санкт-Петербурге Кира работала в фотостудии, снимала свадьбы, корпоративы, детские праздники. Ремесло, которое можно делать без души — только глазами и руками. Каждую минуту этой работы она ненавидела, но продолжала, потому что нужны были деньги на интернат для брата. А потом сломалась. Не смогла в очередной раз открыть дверь и увидеть глаза Толика, полные надежды. Забрала трудовую книжку, сняла все деньги со счёта и купила билет в никуда.

Сегадайск оказался этим «никуда» — маленький приморский городок на краю карты, где никто не спрашивал, откуда она и почему переехала в разгар сезона, купив небольшую квартиру с видом на море. Здесь Кира продолжала фотографировать, но уже не за деньги, а будто выполняя ритуал — определённое число кадров в день, определённые сюжеты,

определённый порядок обработки.

Девушка подняла «Никон» снова, ловя горизонт — чёткую линию между синим и голубым, между водой и небом. В такие моменты становилось легче — когда изображение в видоискателе сводилось к простым формам, ясным линиям, понятным композициям. Ничего лишнего. Ничего, что обязывало бы.

Кира повернула объектив в сторону одинокой фигуры у кромки воды. Мужской силуэт на фоне прибора — ещё один кадр в коллекцию человеческого одиночества. Мозг фотографа уже выстраивал композицию: небольшая фигура, море, линия горизонта пополам — верх и низ, небо и вода. Только когда палец почти нажал на спуск, незнакомец обернулся, и лицо, попавшее в фокус, заставило руку замереть.

Первое, что Кира заметила — глаза. Широко расставленные, с лёгкой раскосостью, смотрящие с открытостью, какой не бывает у взрослых. Затем — черты лица: приплюснутый нос, полные губы, слегка увеличенный язык, виднеющийся между приоткрытыми губами. И всё вместе — выражение такой незащитности, что перехватило дыхание.

Камера опустилась. Ноги ослабли, в груди стало тяжело. Кира узнала этот взгляд — такой же, как у брата, с тем же доверчивым ожиданием, с той же незащищённостью перед миром, который слишком часто бывает жесток к тем, кто не похож на других.

— Толик, — имя вырвалось шёпотом, почти против воли.

Но это был не Толик. Конечно, не он. Брат остался в петербургском интернате, за тяжёлой дверью с облупившейся краской и маленьким окошком из армированного стекла. А этот молодой человек стоял здесь, на берегу моря в Сегадайске, и смотрел на Киру с настороженным любопытством, держа в руке ракушку.

Девушке никогда не удавалось фотографировать таких людей. Даже на свадьбах или корпоративах, когда среди гостей оказывался человек с синдромом Дауна, объектив сам собой поворачивался в другую сторону. Не из брезгливости — из страха. Страх увидеть в видеоискателе глаза брата, вспомнить свой поступок, столкнуться с собственной виной.

Но сейчас привычной защиты не было. Кира смотрела на незнакомца напрямую, без барьера линз и зеркал. И он смотрел в ответ — не отводя взгляда, не пряча лица, не стыдясь непохожести. В этом было достоинство, которое девушка отметила с удивлением, будто незнакомец видел её насквозь и принимал это спокойно, без осуждения.

Первым порывом было уйти. Подняться выше по пляжу, найти другой объект для съёмки, вернуться к привычной отстранённости от мира. Но что-то остановило — то ли его взгляд, то ли внутренний голос, шепнувший, что нельзя снова сбежать. Она сделала шаг вперёд.

Молодой человек замер, наблюдая за её приближением. Он слегка отклонился назад, сжал ракушку крепче, насторожился. Кира остановилась в трёх шагах — достаточно близ-

ко для разговора, но не ближе.

— Привет, — сказала Кира, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Красивая ракушка.

Незнакомец опустил глаза на свою находку, потом снова посмотрел на Киру. На лице мелькнуло замешательство, будто он не знал, как реагировать на неожиданное внимание.

— Да, — наконец ответил он. Голос оказался глубже, чем девушка ожидала, с лёгкой хрипотцой. — Для коллекции.

— У тебя есть коллекция ракушек? — Кира улыбнулась, чувствуя, как напряжение медленно отпускает. — Должно быть, огромная, раз ты живёшь у моря.

— Сорок две, — ответил он с точностью, которая выдавала его не меньше, чем внешность. — А с этой будет сорок три. По одной за каждый удачный день.

Кира на секунду растерялась. В этом было что-то острое — измерять жизнь не месяцами или годами, а хорошими днями, отмеченными находками на берегу.

— А сегодня удачный день? — спросила она, вдруг по-настоящему желая услышать ответ.

Незнакомец задумался, глядя на ракушку в ладони, потом на волны, потом снова на Киру.

— Утро было плохое, — сказал он. — Но сейчас ничего. Море спокойное. И ракушка красивая.

У Киры перехватило горло. Эта способность видеть хорошее после плохого начала — у неё такого не было. Плохое утро обычно означало плохой день целиком, неделю, месяц

— и никакого выхода.

— Меня зовут Кира, — она протянула руку, потом спохватилась — может, он не любит прикосновения? Но рука уже висела в воздухе между ними, и отдёргивать было бы ещё более неловко.

— Петя, — он пожал её ладонь — рука у него была тёплая и сухая, пальцы короткие. — Ты фотографируешь море?

— Да, и людей тоже, — Кира указала на камеру, висящую на шее. — Хочешь посмотреть?

Петя кивнул с явным интересом, и девушка включила экран, показывая последние снимки. Он смотрел внимательно, иногда касаясь экрана пальцем, будто хотел потрогать изображение.

— Красиво, — сказал Петя, когда Кира показала фото рассвета над волнами, сделанное несколько дней назад. — Похоже на открытку.

В этих словах не было фальши или желания польстить — он просто сказал, что видел. Кира почувствовала благодарность за эту честность, какой редко дождётся от людей.

— Ты в порядке? — спросила Кира вдруг, вспомнив его слова о плохом утре. Вопрос вырвался сам, без обычной осторожности.

Петя посмотрел на неё долгим взглядом, словно решая, стоит ли отвечать по-настоящему. Потом медленно покачал головой.

— Нет, дома плохо, — сказал он прямо. — Игорь кричал

на маму из-за денег. Моих денег. А потом был громкий звук, как будто что-то упало. Я ушёл.

Кира замерла. Обычно люди отвечали на этот вопрос дежурным «всё хорошо», пряча правду за вежливой улыбкой. Но Петя не знал этих правил. Или не хотел по ним играть.

— Мне жаль, — сказала девушка, чувствуя себя беспомощной перед такой откровенностью. — Это должно быть тяжело — слышать такое.

— Да, — согласился Петя. — Поэтому я считаю трещины на потолке. Семнадцать трещин. Каждое утро. Если получится досчитать до конца — день будет славный. Если сбиваюсь — плохой.

Он рассказал об этом так, будто делился рецептом или маршрутом до магазина — буднично, без эмоций. Но за этой простотой Кира услышала потребность в порядке, в маленьких ритуалах, которые помогали держаться на плаву.

— А ты? — вдруг спросил Петя, глядя на Киру. — Ты считаешь что-нибудь?

Вопрос застал её врасплох. Девушка задумалась. Считала ли что-нибудь? Дни с момента, как оставила брата? Города, через которые проехала? Жизни, которые могли бы сложиться иначе?

— Я считаю кадры, — ответила наконец. — Каждый день делаю определённое количество снимков. Не меньше ста, не больше двухсот. Это помогает.

Петя кивнул серьёзно, принимая ответ. Никаких вопро-

сов, почему именно сто или двести, никаких попыток понять логику — просто признание её ритуала, такого же важного, как его утренний счёт трещин.

Они стояли на границе суши и воды, и девушке вдруг показалось, что она сама находится на такой же границе — между прошлым и будущим, между бегством и возвращением.

— Ты любишь море? — спросил Петя, прерывая её размышления.

— Да, — ответила Кира. — Оно помогает мне дышать.

— Мне тоже, — Петя улыбнулся, и в этой улыбке было столько детской радости, что Кира не смогла не улыбнуться в ответ. — Когда смотришь на волны, становится тихо внутри.

Петя указал на грудь, и Кира поняла, что он имеет в виду не звуки, а то внутреннее спокойствие, которое даёт море. Девушка кивнула — да, именно так, именно поэтому каждое утро она выходила на берег со своим «Никоном», пытаясь поймать эту тишину в кадре, хотя знала, что настоящий покой в снимок не уместишь.

— А можно посмотреть твою коллекцию ракушек? — спросила Кира, чувствуя неожиданный интерес к этим находкам, каждая из которых отмечала хороший день.

Петя замялся. На лице отразилась борьба — ему хотелось показать, но страшно было впускать чужого.

— Они дома, — сказал он наконец. — На полке у окна. И вот эта, — поднял руку с ракушкой, — сорок третья.

— Ты, наверное, помнишь историю каждой? — спросила Кира, представляя, как Петя аккуратно расставляет их по полке в каком-то особом порядке.

— Да, — Петя оживился, лицо просветлело. — Вот эта, — показал ракушку в руке, — сегодняшняя. А дома есть розовая с отбитым краем — в тот день мама испекла яблочный пирог и не плакала. А ещё есть маленькая, круглая — в тот день Сергей взял меня в гараж и дал подержать инструменты. А ещё...

Петя продолжал рассказывать, и с каждой историей голос становился увереннее, а руки — выразительнее. Кира слушала, затаив дыхание. Эти ракушки были не сувенирами — они были памятью о радости в жизни, которая, похоже, была не слишком щедрой на такие моменты.

Когда Петя закончил, наступило молчание, нарушаемое только шумом прибоя и криками чаек. Кира смотрела на него и видела не диагноз, не объект жалости, а человека со своим взглядом на мир, со своими ценностями и своими способами держаться.

— Спасибо, что рассказал мне, — сказала Кира. — Это очень красивая коллекция.

Петя улыбнулся широко, открыто — так улыбаются люди, которые умеют радоваться простому.

— Ты хорошая, — сказал он. — Ты слушаешь и не смеёшься.

Эти слова ударили в больное. У Киры сжалось горло. Хо-

рошая? Если бы Петя знал... Если бы знал, как она предала брата, оставив в том месте, где, возможно, никто не слушал его историй и не видел в нём человека.

— Петя, — Кира сглотнула, стараясь, чтобы голос не дрогнул, — ты говорил, что дома плохо. Хочешь пойти ко мне? Выпить чаю? У меня спокойно.

Предложение удивило саму Киру. За несколько месяцев жизни в Сегадайске к себе домой она никого не приглашала, даже случайных знакомых. Квартира была убежищем, местом, куда не допускались чужие. Что заставило нарушить это правило ради человека, встреченного полчаса назад?

Петя нахмурился, и Кира поняла, что поспешила. Конечно, он не пойдёт с незнакомкой. Конечно, не...

— А у тебя есть синие чашки? — спросил он вдруг. — Я пью только из синих чашек.

Кира выдохнула и улыбнулась.

— Есть одна синяя чашка, с нарисованным маяком. Подойдёт?

Петя задумался, будто решая сложную задачу, потом кивнул.

— Да. Но новые места меня пугают. Я не знаю, где там что. И сколько шагов от двери до... до всего.

Честность в признании страхов тронула Киру. Сколько людей, включая её саму, скрывают, что чего-то боятся, тратят силы на то, чтобы казаться сильнее, чем есть?

— Я понимаю, — сказала она мягко. — Мы можем по-

считать шаги вместе. От двери до кухни, от кухни до окна. И я покажу тебе, где что лежит.

Петя посмотрел на неё прямо, открыто, без недоверия. И что-то в этом взгляде заставило Киру кивнуть — словно между ними установилось молчаливое согласие.

— Хорошо, — сказал Петя. — Я пойду с тобой. На чай. В синей чашке с маяком.

Он бережно положил сегодняшнюю ракушку в карман шортов и протянул Кире руку. Девушка осторожно взяла его ладонь — тёплую, неожиданно крепкую.

— Пойдём, — сказала Кира, и они вместе пошли по пляжу в сторону города.

Квартира Киры располагалась на третьем этаже старого кирпичного дома постройки семидесятых, — одном из немногих зданий в Сегадайске, которое не было типовой панельной многоэтажкой. Петя поднимался по лестнице, считая ступеньки. Тридцать одна, тридцать две, тридцать три... Бетонные, с металлическими носами, они звонко отзывались на каждый шаг. На площадке второго этажа пахло жареной рыбой и старыми газетами — запах, который Петя запомнил как часть маршрута. Такие детали помогали ему ориентироваться в новых местах.

— Ещё один пролёт, — сказала Кира, наблюдая, как внимательно Петя изучает каждую деталь подъезда.

— Сорок шесть, сорок семь, — продолжал считать Петя, не сбиваясь. — Сорок восемь.

Ключ в замке повернулся с мягким щелчком, и дверь открылась. После затхлости подъезда воздух в квартире показался свежим — пахло не духами, не бытовой химией, а чем-то растительным, успокаивающим.

— Лаванда, — сказала Кира, заметив, как Петя приinhывается. — Мне нравится этот запах. Напоминает о юге Франции, хотя я там никогда не была.

Петя кивнул, делая первый осторожный шаг внутрь и сразу осматривая новое пространство: маленькая прихожая, светлый линолеум на полу, справа вешалка для одежды, слева тумба для обуви. Чисто, аккуратно, всё на своих местах. Не так, как дома, где вещи никогда не знали точного места и перемещались по квартире в зависимости от настроения матери или состояния Игоря.

— Можешь разуться, если хочешь, — Кира сняла сандалии и поставила их у стены.

Петя последовал её примеру, тщательно выравнивая обувь параллельно стене, добиваясь идеальной симметрии. Кира заметила это, но не стала комментировать — дождалась, когда гость закончит.

— Проходи, — девушка сделала приглашающий жест. — Кухня там, а здесь — комната.

Петя шагнул из прихожей и замер на пороге комнаты, пытаясь охватить взглядом всё сразу. Стены были окрашены в приглушённый голубой — не яркий, не кричащий. Для Пети это был цвет спокойствия — тот же оттенок, что бывает у

воды ранним утром.

Кроме люстры для верхнего света в комнате стояли несколько настольных ламп с тканевыми абажурами. Диван с пледом, небольшое кресло, журнальный столик — всё неброское, но подобранное со вкусом. На подоконнике выстроились горшки с растениями, листья тянулись к солнцу за окном.

— Двадцать шагов от двери до окна, — сказал Петя, уже начавший мерить пространство.

— Хочешь всё посчитать? — спросила Кира, и в голосе не было ни насмешки, ни снисхождения.

— Да, — кивнул Петя. — Чтобы знать.

Кира оставила гостя изучать комнату, а сама пошла на кухню готовить обещанный чай. Через открытую дверь наблюдала, как Петя исследует каждый угол, не прикасаясь к вещам, но внимательно их разглядывая.

Остановился у книжного шкафа. На полках стояли книги — многие с потрёпанными корешками, явно читанные не раз. Он наклонил голову, чтобы разобрать названия: «Психология травмы», «Расстройства привязанности», «Эмоциональный интеллект». Серьёзные книги, сложные. Рядом с ними — томики стихов, несколько детективов, потрёпанный «Маленький принц».

Но больше всего его внимание привлекли фотографии в рамках, стоявшие между книгами. На одной — маленькая девочка с косичками стояла между мужчиной и женщиной

— все трое улыбались в камеру. На другой — та же девочка, но постарше, с дипломом в руках. Петя осторожно взял в руки третью фотографию и замер.

С чёрно-белого снимка смотрели два лица: Кира, с короткими волосами, но моложе, и парень с чертами синдрома Дауна, похожими на Петины. Они обнимали друг друга, парень широко улыбался, а Кира смотрела на него с такой теплотой, что у Пети что-то сжалось в груди. Так на него смотрела только мать — давно, когда ещё не было Игоря и бутылки.

— Это мой брат, Толик, — негромко сказала Кира, вернувшаяся из кухни с двумя чашками. Синяя с маяком предназначалась Пете, себе хозяйка налила чай в белую с тонким золотым ободком. — Он живёт в специальном интернате в Санкт-Петербурге.

Петя аккуратно поставил фотографию на место и повернулся к Кире. В глазах было столько вопросов, но слов не находилось. Девушка поняла без слов.

— У него сложное заболевание, — сказала негромко. — Когда отец умер, я не смогла ухаживать за Толиком сама. Или решила, что не смогу.

Последнюю фразу Кира произнесла так тихо, что Петя скорее прочёл по губам, чем услышал.

— Ты скучаешь? — спросил Петя, принимая из рук Киры синюю чашку.

— Каждый день, — ответила Кира, и глаза заблестели. Петя отвёл взгляд, давая ей время овладеть собой. Он осто-

рожно сел на край дивана, держа чашку обеими руками. От чая поднимался пар, пахло мятой и чем-то цитрусовым. Сделав первый глоток, Петя произнёс:

— Спа-си-бо, — отчётливо, по слогам.

Кира села в кресло напротив, поджав под себя ногу.

— На здоровье, — ответила она с лёгкой улыбкой. — Ты всегда так старательно произносишь «спасибо»?

— Мама учила, — кивнул Петя. — Говорила, что вежливость — это когда тебя видят.

Кира слегка наклонила голову.

— Умная у тебя мама.

— Раньше была умнее, — сказал Петя с неожиданной горечью. — Раньше пела. Теперь кричит.

Он сказал это буднично, как факт. И от этой обыденности Кире стало больнее, чем от любых жалоб.

В комнате повисло молчание — но не тягостное, а спокойное. Кира не торопила разговор, давая Пете время освоиться, а себе — понять, почему привела его сюда, в своё убежище, куда не допускала никого.

— У тебя красиво, — нарушил молчание Петя. — И спокойно. Как в библиотеке, но лучше.

— Ты любишь библиотеки?

— Да. Там много историй. И запах приятный. И никто не смотрит, если читаешь медленно.

Кира кивнула. Библиотеки — одно из немногих мест, где можно существовать в своём ритме, не подстраиваясь под

других.

— А море ты давно любишь? — спросила Кира, вспомнив разговор на берегу.

Лицо Пети просветлело.

— Всегда, — ответил он уверенно. — Море никогда не бывает одинаковым и всегда остаётся морем. Понимаешь?

Кира подумала, что это могло бы быть строчкой из стихотворения.

— Понимаю, — сказала она. — В этом есть что-то успокаивающее — знать, что нечто может меняться, но при этом оставаться собой.

Петя долго смотрел на Киру, словно проверяя, действительно ли она поняла.

— У тебя хорошие друзья, — сказала девушка. — Тот высокий парень на пляже...

— Сергей, — кивнул Петя. — Он защищает меня. Всегда защищал. С детства.

— От чего?

Петя задумался, подбирая слова.

— От злых. От тех, кто смеётся. От тех, кто думает, что я не понимаю, когда они говорят про меня, будто меня нет рядом.

Последняя фраза прозвучала с неожиданной ясностью. У Киры сжалось в груди. Слишком хорошо она знала это — как разговаривают с братом или о брате в его присутствии, будто тот не способен понять, о чём речь.

— Многие так делают? — спросила негромко.

— Все, — ответил Петя без обиды. — Даже мама иногда.

Только море — нет.

Кира на секунду отвела взгляд. Петя смотрел ясно, без жалости к себе, без обиды — просто принимая мир таким, какой он есть.

Девушка вдруг подумала, что Петя видит и чувствует то, что другие не замечают. Может, потому что не отвлекается на всё то, чем заняты остальные.

Время пролетело незаметно. Солнце за окном начало клониться к горизонту, стены комнаты порозовели.

— Мама будет искать, — вдруг сказал Петя, словно очнувшись. Посмотрел на часы на стене — старинные, с маятником. — Я обещал скоро вернуться.

Кира кивнула. Она чувствовала и разочарование, и облегчение одновременно. Разочарование оттого, что разговор подходил к концу. Облегчение — потому что Петя будил в ней слишком многое, слишком болезненное, слишком похожее на то, от чего она уехала из Петербурга.

— Я тебя провожу, — сказала Кира, поднимаясь с кресла.

Петя аккуратно поставил пустую чашку на журнальный столик, выравнивая так, чтобы ручка смотрела точно на восток. Затем встал, расправил рубашку и посмотрел на Киру серьёзно, как дети, когда объявляют важные решения.

— Мне было славно, — сказал Петя.

Три простых слова, но в них было больше искренности,

чем во всех комплиментах, которые Кира когда-либо слышала. Девушка улыбнулась:

— Мне тоже, Петя.

Они вместе прошли через комнату в прихожую. Петя обулся, тщательно застегнув липучки на кроссовках, хотя это заняло больше времени, чем обычно — волновался. Кира терпеливо ждала, не пытаясь помочь, уважая его желание справиться самому.

У двери Петя вдруг замер, вспомнив что-то важное. Сунул руку в карман брюк и достал ракушку, белую с розоватым отливом, идеальной формы, которую нашёл утром на берегу.

— Это тебе, — сказал просто, протягивая ракушку Кире.

Кира замерла, не решаясь взять подарок. Знала, что значат для Пети эти находки — каждая отмечала хороший день, была частью его личной истории.

— Петя, но это твоя сорок третья. За сегодняшний день.

— Да, — кивнул Петя. — День удачный. Ты — добрая. Я хочу, чтобы она была у тебя.

В голосе звучала такая убеждённость, что Кира не смогла отказать. Осторожно взяла ракушку, чувствуя тёплую от Петиних рук шероховатую поверхность.

— Спасибо, — сказала Кира, и на этот раз уже она старательно произнесла каждый слог.

Петя улыбнулся — широко, всем лицом, не так, как обычно. Затем кивнул, завершая какой-то внутренний разговор с

собой, и вышел за дверь.

Кира смотрела в окно, как Петя идёт по улице — прямая спина, чуть неуклюжая походка, голова слегка наклонена вперёд, будто постоянно высматривает что-то интересное под ногами. На углу он обернулся и помахал рукой, каким-то образом угадав, из какого окна девушка смотрит ему вслед. Кира помахала в ответ, хотя не была уверена, что Петя видит её за стеклом.

Когда он скрылся за поворотом, Кира вернулась в комнату и подошла к полке с фотографиями. Осторожно взяла снимок, где они с Толиком обнимали друг друга, и провела пальцем по лицу брата. Взяла телефон, открыла галерею. Там была ещё одна фотография Толика — более поздняя, сделанная в интернате перед самым отъездом из Петербурга. На этой фотографии брат уже не улыбался.

Кира закрыла глаза. Сквозь месяцы и сотни километров снова услышала глухой звук закрывающейся двери интерната, почувствовала запах антисептика, увидела глаза брата — недоумевающие, непонимающие, почему сестра уходит, почему оставляет его там, среди чужих людей.

— Кирочка, ты придёшь завтра?

— Конечно, приду.

Ложь, которой она жила всё это время. Обещание, которое не собиралась выполнять. Предательство, от которого бежала через всю страну, но которое настигло её здесь, на краю земли, в маленьком приморском городке, во взгляде

случайно встреченного на берегу человека.

Кира открыла глаза и посмотрела на ладонь. На ней лежала ракушка — подарок, отданный легко и без колебаний. Часть Петиной коллекции, которую он доверил ей просто так.

Девушка сжала ракушку в кулаке, чувствуя, как острые края впиваются в ладонь — не до боли, но ощутимо.

Глава 5. Ольга

Ольга сняла белый халат движением, отточенным за три года в неврологическом отделении, — не медленно, но и не торопясь. День закончился, и теперь ткань, пахнущая антисептиком и чужими болезнями, аккуратно висела на плечиках в шкафчике, уступив место обычной одежде из обычной жизни, в которой медсестра Никитина была просто девушкой двадцати трёх лет с гудящими от усталости ногами и планами пойти завтра в кино.

Спина ныла в районе поясницы — двенадцать часов на ногах давали о себе знать, и тело давно привыкло к этой боли, как привыкают к хронически ноющему зубу, и это становится фоном, а не событием.

Ольга потянулась — позвонки отозвались глухим щелчком, в маленьком зеркале, прикреплённом скотчем к внутренней стороне дверцы, отразилось усталое лицо с тёмными кругами под серыми глазами. Она закрыла шкафчик. День прошёл не зря, и это грело.

Сегодня выписали Антонину Петровну, восстановившуюся после инсульта настолько, что она уже могла сама держать ложку и внятно произносить простые фразы. А ещё — Мишу, шестнадцатилетнего подростка, поступившего с сотрясением мозга после падения с велосипеда — парень уходил на своих ногах, хотя ещё неделю назад его тошнило от малей-

шего движения головой. Двенадцатичасовые смены, бесконечные капельницы, уколы, смена постельного белья, борьба с пролежнями и обезвоживанием — всё это обретало смысл, когда при выписке глаза людей благодарно смотрели на Ольгу.

Медсестра посмотрела на часы — без пятнадцати одиннадцать, автобус на остановке у парка будет через двадцать минут — если повезёт, успеет. Она привычным движением проверила содержимое сумки: кошелёк, ключи, телефон с севшей за день батареей, книга в потрёпанной обложке.

В ординаторской витал аромат растворимого кофе и вчерашних конфет — последних из коробки, которую принесла жена выписавшегося накануне пациента с грыжей межпозвоночного диска. Ольга подошла к столу, где лежал раскрытый журнал учёта рабочего времени, взяла ручку — пальцы чуть подрагивали — и поставила размашистую подпись напротив своей фамилии. «Никитина О. В., окончание смены 22:45».

— Уже уходишь? — в дверях появилась Вера Степановна, ночная медсестра, её полное лицо с добрыми морщинками вокруг глаз выражало спокойствие, какое приходит только с возрастом и опытом.

— Да, автобус скоро, — Ольга улыбнулась, лицевые мышцы сопротивлялись даже такому простому движению.

— Как второй пост? Новенький в шестой палате требовательный? — ночная дежурная уже надевала халат, готовясь к работе.

— Звонит каждые полчаса, — кивнула Ольга. — Бойтся всего, но лучше лишний раз подойти, чем потом проблем не оберёшься. Я на тумбочке воду оставила и таблетки на двенадцать.

Вера Степановна кивнула, уже погружаясь в рабочий режим, и Ольга почувствовала, как ответственность переходит из рук в руки — теперь можно было выдохнуть, отделение оставалось под присмотром. Вместе с белым халатом она словно снимала с себя и чужие болезни, боли, страхи.

— До завтра, — сказала Ольга, хотя завтра у неё был выходной, но такова была формула прощания, ритуал, соблюдаемый всеми.

— Иди уже, опоздаешь, — махнула рукой пожилая медсестра. — И по парку быстрее шагай, там сейчас темно.

Коридор встретил девушку тишиной, словно все звуки проходили через вату. Флуоресцентные лампы на потолке мигали — эта частота не замечается сознательно, но накапливается к концу дня головной болью. Стены, выкрашенные в светло-зелёный цвет, который кто-то когда-то счёл успокаивающим, казались в этом свете болезненно-бледными.

Ольга шла, автоматически отмечая привычные приметы: каталка у стены, ожидающая санитарку, капельница, забытая у сестринского поста, запах хлорки, смешанный с ароматом недавнего ужина и той специфической больничной примесью — болезни, антисептики и человеческая беспомощность.

Из шестой палаты доносился негромкий мужской храп — новенький всё-таки уснул, несмотря на свои страхи. Из восьмой слышался приглушённый женский плач, который будет сопровождать всю ночную смену Веры Степановны, как сопровождал и дневное дежурство. В десятой горел свет — бабушка с болезнью Паркинсона снова не могла уснуть, и Ольга на секунду задумалась, не зайти ли, но отбросила эту мысль: надо отделять работу от остальной жизни, иначе выгорание, о котором предупреждали на курсах, настигнет раньше, чем она успеет отработать пять лет.

У выхода из отделения медсестра машинально обработала руки антисептиком из настенного дозатора, жидкость холодила кожу, испаряясь и оставляя ощущение стерильной чистоты — этот жест давно стал таким же рефлексом, как дыхание.

Лифт полз между этажами с неторопливостью, которая раздражает днём, когда каждая минута на счету, но кажется естественной поздним вечером. Ольга прислонилась к холодной стене кабины и закрыла глаза, мысли уже перескакивали с работы на планы завтрашнего дня — выходного, который они с Милой собирались провести в городе. Сначала кино — какая-то новая мелодрама, подруга обожала такие фильмы и всегда плакала в конце, а Ольга никогда не признавалась, что тоже тайком смахивает слезу. Потом, может быть, кафе на набережной, где подают вафли с клубникой — единственное лакомство, которое девушка позволяла се-

бе без угрызений совести. А вечером они будут просто сидеть на лавочке у моря и говорить обо всём на свете, как делали это с детства.

Лифт дёрнулся, останавливаясь на первом этаже, и двери с неохотой разъехались в стороны. Холл был погружён в полумрак — в целях экономии после десяти вечера оставляли включённой только часть ламп, и каблуки туфель стучали по кафельному полу, создавая гулкое эхо. Охранник, дремавший на стуле у входа, приподнял сонные веки, узнал медсестру и снова погрузился в дрёму.

Ольга толкнула массивную входную дверь, и свежий ночной воздух ударил в лицо, смывая больничные миазмы и принося вместо них аромат скошенной травы, влажной земли и едва заметный привкус моря. Она глубоко вдохнула, стянула резинку с волос, позволяя густым каштановым прядям рассыпаться по плечам, и лёгкий ветер тут же подхватил их, играя и путая.

Двор был пуст и тих, единственным звуком оставался далёкий шум редких машин с шоссе да стрекот цикад из парка. Фонари у главного входа отбрасывали жёлтые круги света на асфальт, а за их пределами начинался мрак — не абсолютный, но достаточно плотный, чтобы скрыть очертания скамеек и урн.

Ольга двинулась к парку знакомой тропинкой. Три года назад, когда она только начала работать в больнице и возвращалась после вечерней смены, она обнаружила эту короткую

дорогу через парк до автобусной остановки — маршрут срезал почти десять минут пути, а в конце рабочего дня каждая минута казалась драгоценной. С тех пор этот путь стал её личным ритуалом — переходом от медсестры Никитиной к просто Ольге.

Ступив под своды деревьев, девушка почувствовала, как меняется атмосфера — к запаху влажной земли и травы добавился аромат хвои и смолы. Старые сосны стояли по обеим сторонам дорожки, кроны смыкались наверху, образуя коридор. Днём здесь царила прохлада и полутень, а сейчас — почти полный мрак, разбавленный редкими пятнами света от фонарей, половина из которых не работала.

Хвоя под ногами отзывалась мягким хрустом на каждый шаг, и Ольга шла уверенно, зная маршрут наизусть — здесь корень, о который можно споткнуться, тут лужа, не просыхающая даже в жару, там скамейка со сломанной спинкой. Сумрак не пугал — напротив, в нём было что-то умиротворяющее после яркого больничного света, режущего глаза.

Мысли, уже не связанные с работой, текли свободно. Ольга думала о Миле, с которой дружила с первого класса: странно, как сложились их пути — одна выбрала медицину, вторая осталась в родном городе без особой специальности, но с удивительным талантом заботиться о других. Подруга всегда была в центре компании, всегда готовая поддержать, накормить, выслушать — немного наивная в своей доброте, немного нескладная в готовности отдавать больше, чем по-

лучать.

Дорожка сделала поворот, и впереди показался просвет между деревьями — там, за границей парка, горели огни города. Ещё несколько минут, и Ольга выйдет к остановке. Девушка ускорила шаг — вдруг захотелось быстрее оказаться на освещённой улице. Не то чтобы она боялась, нет, но что-то неуловимо изменилось в атмосфере, будто воздух стал плотнее, а звуки приглушённые.

Цикады внезапно смолкли, и в наступившей тишине Ольга услышала хруст ветки где-то позади. Обернулась, всматриваясь в темноту, но ничего не увидела, кроме стволов и теней, сгущающихся между ними. Показалось, решила она, и снова пошла вперёд, теперь уже почти бегом.

Сердце билось чуть быстрее обычного, дыхание стало поверхностным, а усталость отступила, вытесненная смутной тревогой. «Глупости какие», — сказала девушка себе. В конце концов, она ходила этой дорогой сотни раз, и никогда ничего не случалось, да и что могло случиться в маленьком городском парке, через который постоянно ходят люди?

Впереди показался последний фонарь перед выходом из парка — он горел, отбрасывая желтоватый круг на дорожку. Ольга направилась к нему, чувствуя облегчение от приближения к свету, там, за фонарём, уже виднелась улица с проезжающими машинами и фигурами редких прохожих — всего несколько шагов, и она окажется среди людей, где нет этой давящей тишины и необъяснимого ощущения чужого

взгляда.

Ещё сорок шагов до выхода. Тридцать девять. Тридцать восемь. Она считала про себя, как в детстве, когда боялась и придумывала разные способы отвлечься от страха. Тридцать семь. Тридцать шесть. С каждым шагом приближалась к свету и безопасности, а вместе с этим возвращалась и уверенность. Чего бояться? Она — взрослый человек, медработник, который каждый день сталкивается с куда более серьёзными вещами.

Завтра проснётся поздно — выходной всё-таки — и первым делом позвонит подруге. Они встретятся у кинотеатра, купят билеты на дневной сеанс, чтобы потом было больше времени погулять, а может, зайдут в книжный — Ольга хотела купить новую книгу по нейропсихологии, а Мила никогда не возражала против книжного магазина, хотя сама больше любила детективы и любовные романы.

Тридцать пять. Тридцать четыре. Девушка шла через парк, оставляя позади больничную смену, унося с собой планы на завтрашний день, и была почти счастлива — насколько может быть счастлив человек, проработавший двенадцать часов на ногах и идущий через сумрак к автобусной остановке в ожидании отдыха, тёплой постели и нового дня, который обещал стать добрым и светлым.

Тридцать три. Тридцать два. Ольга продолжала отсчитывать шаги, когда заметила одинокую фигуру на скамейке у поворота. Силуэт был неподвижен, словно часть паркового

антуража, но что-то в позе — слегка наклонённая вперёд голова, ладони, лежащие на коленях — выдавало ожидание, а не случайный отдых.

Ольга замедлила шаг, всматриваясь в сумрак — фонарь позади скамейки работал вполсилы, мерцая с той усталостью, с которой работают старые электрические приборы, — казалось, вот-вот сдастся и погрузит всё вокруг во мрак.

Подойдя ближе, Ольга почувствовала, как внутри шевельнулось смутное узнавание — что-то знакомое было в очертаниях этого силуэта, в том, как сидел человек, с какой-то особенной сутулостью, словно стараясь уменьшить себя, сделаться незаметнее. Ещё несколько шагов, и тусклый свет выхватил из сумрака черты, которые девушка видела совсем недавно, но в совершенно другом контексте.

Это был пациент их неврологического отделения, выпи-санный всего две недели назад, но ещё и старый знакомый, к которому Ольга с детства относилась с сестринской заботой. Она вздрогнула, узнав его не сразу — человек изменился, осунулся, и ладони лежали на коленях бледные, с длинными пальцами, всегда чуть влажные.

— Привет, — произнесла медсестра, подходя ближе, но оставаясь на расстоянии, и слово прозвучало неуместно интимно в тишине парка.

Он медленно поднял голову, и в тусклом свете лицо казалось неживым — бледное, с запавшими щеками и тёмными тенями под глазами.

— Привет, — ответил он без интонации.

Голос звучал иначе, чем Ольга помнила: раньше в нём была мягкость и застенчивость, а теперь — что-то другое, от чего кожа покрылась мурашками.

— Что ты здесь делаешь так поздно? — спросила девушка, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Жду, — ответил он, не меняя выражения лица.

— Кого? — Ольга непроизвольно сделала маленький шаг назад.

— Тебя, — ответил он, и на этот раз в голосе появилась новая нота, похожая на удовлетворение или облегчение.

По её спине пробежал холодок, и привычная мягкость на мгновение уступила место простому человеческому беспокойству. Мысли заметались: почему меня, откуда он знает мой маршрут, это случайность или следил? Но тут же включились защитные механизмы — ведь она знала его с детства, он не мог желать зла.

«Возможно, обострение, — сказала медсестра себе. — Мигрени часто сопровождаются спутанностью мыслей. Может, просто нужна помощь, а неловко обратиться в больницу снова».

— Ты ждёшь именно меня? — спросила Ольга, стараясь говорить спокойно, хотя пульс уже участился. — Зачем?

— Ты всегда была добра ко мне, — произнёс он. Фраза, самая длинная из всех, что медсестра от него слышала, почему-то прозвучала особенно тревожно.

— Просто выполняла свою работу, — ответила Ольга, профессионализм снова взял верх над инстинктивным желанием развернуться и быстро уйти. Весь опыт говорил, что нельзя оставлять человека в таком состоянии одного, особенно, если есть риск обострения. И девушка сделала то, что делала сотни раз в больнице, — шаг навстречу человеку, который может нуждаться в помощи.

— Тебе плохо? — спросила Ольга. — Голова беспокоит? Мигрень вернулась?

Этот шаг вперёд стал роковой ошибкой — медсестра оказалась достаточно близко, чтобы он смог дотянуться. Ладонь метнулась вперёд с неожиданной быстротой, пальцы сомкнулись вокруг её запястья с такой силой, что кость едва не хрустнула. Ольга открыла рот, чтобы закричать, но вторая ладонь уже зажала ей рот, грубо вдавливая губы в зубы.

Он поднялся со скамейки одним рывком, оказавшись к ней вплотную. От него исходил резкий химический запах — не больничный антисептик, а бытовое чистящее средство, будто он вымылся с хлоркой перед этой встречей, и эта резкая вонь не сочеталась с ночным парком и свежим воздухом.

— Тише, — прошептал он ей на ухо. — Не кричи, пожалуйста. Не хочу делать тебе больно.

Но хватка говорила об обратном. Боль была такой острой, что перед глазами Ольги на мгновение вспыхнули искры. Она попыталась вырваться, но он оказался гораздо сильнее, чем выглядел в больничной пижаме, а мышцы, измотанные

сменой, отказывались подчиняться.

Он потащил Ольгу с тропинки вглубь парка, где деревья стояли плотнее, а мрак становился почти осязаемым. Спотыкаясь на каждом шаге, она пыталась упереться ногами в землю, но только разодрала колено о какой-то корень, и эта боль тут же стала второстепенной по сравнению с ужасом, заполнившим сознание.

— Пожалуйста, — попыталась сказать Ольга сквозь зажатый рот, но вышло только невнятное мычание.

В больнице она научилась сохранять спокойствие в любой ситуации: даже когда буйный пациент с белой горячкой швырнул в неё стул, Ольга сумела отпрыгнуть и не потерять самообладания. Но сейчас всё было иначе — это происходило с ней самой, не с кем-то, кого она должна была спасти или защищать. Это была не профессиональная ситуация, а угроза ей лично, и тело реагировало первобытным ужасом.

Сосны сомкнулись над головой, полностью отрезав лунный свет. Здесь царила сырость и терпкий хвойный дух — такой сильный, что кружилась голова, а может, от недостатка кислорода, потому что ладонь нападавшего всё ещё зажимала рот и нос, позволяя дышать лишь рывками.

Внезапно он толкнул Ольгу, и девушка упала на колени — острые иголки хвои впились в ладони. Теперь, когда ладонь не закрывала ей рот, она смогла закричать — короткий, отчаянный звук, оборвавшийся, когда он рухнул сверху, придавливая к земле весом своего тела. Лицом Ольга уткнулась

в хвойную подстилку, вдыхая аромат смолы и сырости, смешанный теперь с потом нападавшего, острым от адреналина.

— Я знал, что ты пойдёшь этой дорогой, — прошептал он ей в затылок, дыхание шевелило волосы на шее. — Всё про тебя знаю! Как ходишь, как говоришь, как дышишь... Как делаешь уколы — осторожно, всегда предупреждая. Другие тыкали как попало, а ты — нет. Ты особенная...

Последнее слово он произнёс с таким благоговением, что у Ольги внутри всё сжалось от отвращения и страха. Эта извращённая форма восхищения была страшнее простой агрессии — в ней чувствовалась система, продуманность, одержимость.

— Пожалуйста, отпусти меня, — попыталась она воззвать к той части его личности, которую видела в больнице — тихой, застенчивой, вежливой. — Ты не хочешь делать это.

— Нет, хочу! — голос стал жёстче, рука вцепилась в волосы, дёргая назад так сильно, что на глазах Ольги выступили слёзы. — Две недели думал только об этом. О тебе. О нас.

— Нас нет, — выдохнула медсестра, паника поднималась внутри. — Пожалуйста, остановись, пока не поздно.

Вместо ответа он перевернул Ольгу на спину с такой лёгкостью, будто девушка ничего не весила. Теперь она видела его черты — искажённые, с расширенными зрачками и тонкой струйкой слюны в уголке рта. Это было лицо незнакомца, хотя Ольга измеряла ему давление трижды в день на протяжении двух недель.

Свободной рукой он начал расстёгивать рубашку — одну пуговицу за другой, методично, словно выполнял важную работу, требующую сосредоточенности. Ольга попыталась его оттолкнуть, но он прижал её запястья к земле с такой силой, что иглы хвои вонзились в кожу через ткань одежды.

— Прекрати!.. — голос Ольги звучал слабо, неуверительно даже для неё самой. — Люди будут искать меня. Меня ждут дома.

— Никто тебя не ищет, — ответил он с уверенностью, от которой внутри всё похолодело. — Я знаю расписание. Знаю, что живёшь одна. Что телефон разряжен, видел, как проверяла перед выходом. Сегодня ты моя.

Это прозвучало как приговор. Профессиональная часть сознания Ольги отметила признаки навязчивой идеи, переросшей в паранойю: следил, изучал привычки, выстраивал жизнь вокруг жертвы. Такое поведение требовало немедленной психиатрической помощи, но эта отстранённая мысль была последней каплей рационального в ужасе, заполнившем сознание.

Ольга закричала снова, на этот раз громче, отчаяннее, вкладывая все силы. Ладонь нападавшего тут же зажала ей рот, пальцы впились в щёки, оставляя синяки. В тишине парка крик прозвучал жалко, приглушённо, не способный достичь ничьих ушей.

— Не хотел этого делать, — произнёс он с сожалением, доставая из кармана что-то блеснувшее в темноте. Ольга с

ужасом узнала медицинские ножницы.

Ткань расходилась с негромким треском. Бледно-голубой бюстгальтер с маленьким бантиком посередине обнажился в лунном свете. Ладони скользнули под юбку, задирая её вверх. Ножницы вспороли резинку колготок, затем хлопковые трусики с мелким цветочным узором — те, что Ольга надела утром, думая только о долгой смене. Холодный металл царапал кожу, оставляя за собой тонкие красные линии.

Прохладный ночной воздух коснулся обнажённого тела, вызвав дрожь. Между ветвями сосен просвечивал кусочек созвездия Большой Медведицы, которое Ольга показывала младшему брату в детстве, держа за руку, — сейчас эти же далёкие огни равнодушно светили над её унижением.

Ладони нападавшего, такие слабые и дрожащие в больнице, сейчас двигались с чудовищной уверенностью, срывая с неё остатки одежды. Запах пота становился сильнее, смешиваясь с хвоей и сыростью земли, и от этой смеси к горлу подступала желчь.

— Пожалуйста, не надо, — шептала девушка, уже зная, что это бесполезно. — Никому не скажу, клянусь. Просто отпусти меня.

— Поздно, — голос нападавшего звучал странно нежно, почти с сожалением. — Это должно произойти. Это судьба.

Сквозь остатки профессионального мышления Ольга понимала: он живёт в другой реальности, где их связывают какие-то особые отношения, где это насилие — проявление

любви или предназначения. Психопатология, которую можно было бы разбирать на медицинских курсах, если бы она не была направлена на неё саму.

Он раздвинул ей ноги с такой силой, что мышцы отозвались острой болью, тело Ольги сопротивлялось, но это лишь увеличивало его ярость. А потом что-то разорвалось — не только физически, но и внутри сознания.

Боль была острой, жгучей, заполняющей всё существо. Ольга слышала собственные всхлипы откуда-то издалека, будто это происходило с кем-то другим. Сквозь слёзы видела черты насильника — сосредоточенные, с закушенной губой и потом, стекающим по вискам, и в нём не было ничего общего с тем пациентом, который благодарил кивком за каждую таблетку.

Каждое движение было наполнено яростью — не страстью, а гневом, который находил выход в этом акте. Физическая боль сливалась с эмоциональной, и над головой шумели сосны, заглушая звуки своим безразличным шелестом.

Время растянулось, потеряло значение, и Ольга не знала, длится ли это минуты или часы. Реальность сузилась до этого кошмара, этого унижения. В какой-то момент она перестала сопротивляться — не из смирения, а из инстинкта самосохранения: тело, которое не могло убежать, выбрало другую стратегию — минимизировать повреждения, переждать.

Сознание отделилось от происходящего, уплывая в защитную диссоциацию — психологи называют это механиз-

мом выживания, — и часть Ольги смотрела со стороны на молодую женщину в разорванной одежде, распластанную на земле, и мужчину над ней, превратившегося из пациента в хищника.

Когда он наконец закончил, Ольга почувствовала его дыхание на шее — прерывистое, горячее, влажное, пахнущее мятной жвачкой. Абсурдный, неуместный запах, будто он специально освежил дыхание перед тем, как уничтожить чью-то жизнь.

— Теперь мы всегда будем вместе, — прошептал он, и в голосе слышалось странное удовлетворение, словно он только что совершил что-то значительное и правильное.

Ольга ничего не ответила, потому что слова потеряли смысл. Смотрела вверх сквозь ветви деревьев, думая о том, как ещё двадцать минут назад строила планы на завтрашний выходной: фильм с Милой, книжный магазин, клубничные вафли — обычная жизнь, которая теперь казалась чем-то из другой вселенной.

Ладони нападавшего внезапно обхватили её шею. Пальцы сомкнулись на горле с неожиданной силой, перекрывая воздух, и Ольга пыталась оттолкнуть его, царапая ногтями, но он только сильнее сдавливал, стремясь выжать остатки жизни.

Она хотела закричать, но из горла вырвался лишь хрип. В глазах потемнело, и огни созвездий над головой начали расплываться и множиться. Лёгкие горели от недостатка кис-

лорода, паника захлестнула сознание последним усилием, а потом начала отступать, сменяясь странным спокойствием.

Где-то на границе затухающего сознания мелькнула последняя горькая мысль: не увидит Милу завтра, не посмотрит фильм, не купит книгу, не съест любимые вафли. Это был не просто последний рабочий день — это был последний день вообще.

Мрак сгустился, поглощая всё — боль, страх, осознание. Последнее, что Ольга почувствовала, — как пальцы разжимаются на горле, будто нападавший потерял интерес, когда жертва перестала сопротивляться.

Он поднялся, привёл в порядок одежду и исчез между деревьями, оставив Ольгу лежать на хвойной подстилке — с открытыми глазами, устремлёнными в ночное небо. Тело медленно остывало, сливаясь с прохладой земли, а дыхание и пульс, за которыми девушка так тщательно следила у своих пациентов, замерли навсегда.

Ночные насекомые возобновили стрёкот, когда шаги убийцы стихли вдалеке. Парк продолжал жить, безразличный к человеческой трагедии среди вековых сосен. Никто не услышал криков, никто не пришёл на помощь — только сверчки стали свидетелями того, как жизнь молодой женщины оборвалась на полуслове, на полумысли о завтрашнем дне, который для Ольги уже никогда не наступит.

Утро втекало в бар «Маяк» вместе с первыми посетителями. Пыльные стёкла окон пропускали солнце неохотно, и на

деревянном полу лежали размытые светлые пятна. Старые часы над стойкой показывали начало одиннадцатого, но никто не сверялся с ними — воскресенье в Сегдайске не признавало спешки.

Десять человек заняли свой обычный стол у окна. Они выделялись среди других посетителей — слишком молоды по сравнению с морщинистыми стариками у стойки, слишком беззаботны по сравнению с угрюмыми грузчиками в дальнем углу. Каждое воскресенье в одно и то же время они собирались здесь. Стаканы звякали, тарелки шуршали по столу, и в этих звуках было что-то от ритуала.

Дима Оборотов заказал свою неизменную яичницу из трёх яиц с беконом и сейчас методично отправлял в рот большие куски, запивая кофе. Пальцы, вечно испачканные машинным маслом, сегодня были чисты — воскресное чудо, случавшееся раз в неделю благодаря усилиям Маши, которая заставляла его оттирать ладони специальным средством перед выходом из дома.

— Слышь, Семён, — крикнул он бармену, — а соус где? Я ж просил!

Маша, сидевшая рядом, закатила глаза:

— Дим, ты и так уже в холестерине по уши. Куда тебе ещё соус?

Волосы девушки, собранные в хвост, ещё хранили влажность после утренней пробежки, в отличие от Димы, она заказала только апельсиновый сок, который теперь потягивала

маленькими глотками.

У окна Света и Коля были заняты друг другом — он показывал ей что-то на экране телефона, а она смотрела, положив голову ему на плечо. Они почти не разговаривали, но в их молчании было больше близости, чем в бесконечной болтовне Вани, который размахивал руками, рассказывая очередную байку.

— И тогда я ему говорю: «Начальник, если ноги кривые, то пиджак дорогой не поможет!» — Ваня сделал драматическую паузу и обвёл взглядом компанию, ожидая реакции. — Представляете? А он стоит, как памятник самому себе, только кадык — туда-сюда!

Наташа сидела рядом с ним, демонстративно листая телефон, но уголки губ предательски подрагивали от сдерживаемой улыбки. Она, как всегда, делала вид, что истории Вани её не интересуют, и, как всегда, слушала с особым вниманием, которое маскировала под равнодушие.

— Ваня, у тебя каждая история заканчивается тем, что ты кого-то остроумно ставишь на место, — заметила Наташа, не отрываясь от экрана. — Не надоело?

— А что, правда жизни надоедает? — Ваня подмигнул, пододвигая к Наташе тарелку с круассаном. — Ешь давай, а то совсем прозрачная будешь.

Мила сновала между столом и стойкой — то приносила забытые салфетки, то подливала чай, то передавала просьбу Димы насчёт соуса. Движения девушки были плавными, а

взгляд — внимательным: она постоянно выискивала, кому и как помочь.

— Коленька, тебе ещё кофе? А тебе, Петенька, может, ещё бутерброд? — Мила наклонилась к Пете, который сидел рядом с Сергеем, разглядывая узор на тарелке.

Петя поднял взгляд — открытый, ясный, с той особой глубиной, которая отличала его от других, — и слегка улыбнулся:

— Спа-си-бо, Мила. Я не хочу больше.

Сергей, сидевший в центре компании, потрепал Петю по плечу:

— Что, аппетит пропал? Не выспался?

Голос Сергея, обычно громкий, звучал тише, когда он обращался только к Пете. Рука на плече друга была весомой, но не давящей — опора, а не груз. Сергей вообще умел прикасаться к людям так, что они чувствовали силу, но не угрозу.

— Всё нормально, просто думаю, — Петя покачал головой.

— О чём, брат? — Сергей наклонился ближе.

— О том, что у Милы голос сегодня другой, тише, — Петя нахмурился, подбирая слова. — И запах от неё другой. Она плакала утром.

Сергей бросил быстрый взгляд на Милу, которая как разставляла на стол свежий чайник. На лице девушки действительно читались следы усталости, будто не спала ночь, но держалась с собранностью, которая бывает у людей, ре-

шивших не поддаваться эмоциям.

— Ну, женщины иногда плачут, — пожал плечами Сергей. — Такие уж они создания.

Бармен Семён, до этого молча протиравший стаканы за стойкой, потянулся к пульту телевизора, висящего в углу, и прибавил громкость — после смерти Зины он старался не пропускать местные новости. Усилившийся звук заставил нескольких посетителей поднять головы, и в баре мгновенно стало тише.

На экране появилось лицо дикторши местной телестудии — женщины средних лет с окаменевшей от лака причёской и застывшим выражением. Голос, обычно деловито-скучный, сейчас звучал напряжённо:

— Сегодня утром в парке Сегадайской городской больницы было обнаружено тело молодой женщины. По предварительным данным полиции, речь идёт об убийстве...

На экране появилась фотография — молодая женщина в белом медицинском халате, с собранными в аккуратный пучок каштановыми волосами и серыми внимательными глазами. Ольга смотрела прямо в камеру с лёгкой, сдержанной улыбкой — такой, какой улыбаются на официальных фото для бейджа, но в уголках глаз таилась искренняя теплота.

— Никитина Ольга Владимировна, двадцать три года, работала медсестрой в неврологическом отделении городской больницы, — продолжал бесстрастный голос ведущей. — Тело обнаружили ранним утром санитары. По данным ис-

точников в правоохранительных органах, перед смертью девушка подверглась сексуальному насилию. Смерть наступила в результате удушения...

За столом у окна все застыли. Ваня замер с поднятой рукой, не закончив жест. Наташа медленно поднесла ладонь ко рту. Маша с неестественной аккуратностью поставила стакан с соком на стол, словно боялась, что малейшее неверное движение разрушит хрупкую реальность вокруг. Дима сидел неподвижно, вилка замерла на полпути ко рту. Коля и Света одновременно повернули головы к экрану, на лицах — одинаковое оцепенение.

Сергей побледнел. Рука, только что лежавшая на плече Пети, медленно опустилась, и он уставился на экран с тем выражением, какое бывает у человека, не верящего собственным глазам. Кружка с кофе осталась забытой на полпути к губам.

— Господи, — выдохнул он. — Олька...

А лицо Милы опустело. Щёки побледнели, глаза расширились, стали огромными на осунувшемся лице, и Мила медленно опустилась на стул — ноги вдруг отказались её держать.

— Олька... — это был даже не шёпот, а выдох, в котором слышалось столько боли, что Петя инстинктивно сжался.

Мила и Ольга дружили с первого класса. Столько историй было связано с этой дружбой — о том, как вместе списывали на контрольных, как делили бутерброды в школьной столо-

вой, как прогуливали физкультуру, прячась в раздевалке с журналом. Потом пути разошлись — Ольга поступила в медицинское училище в областном центре, а Мила осталась в Сегадайске, но связь не прервалась. Даже сейчас, спустя годы, они оставались друг для друга той константой, которая не требует ежедневного подтверждения.

Петя смотрел на друзей, и тяжкое чувство наваливалось на грудь — то же самое, что он испытал в день, когда узнали о смерти Зины. Странная смесь страха, непонимания и какой-то первобытной тоски. Петя не до конца понимал, что произошло, но чувствовал эмоции окружающих с особой остротой, будто они передавались напрямую, минуя слова.

Сергей сидел неподвижно, обычно уверенное его лицо осело, потеряло привычную твёрдость. Смотрел на экран, где уже шёл другой сюжет, но глаза ничего не видели. Потом перевёл взгляд на плачущую Милу и с трудом сглотнул.

— Это... это же не может быть правдой, — голос Сергея звучал глухо, незнакомо. — Позавчера видел Ольгу. Улыбалась.

Тишина за столом становилась всё плотнее. И особенно громко прозвучал голос Маши, когда она наконец заговорила:

— Это уже второе убийство за месяц.

Никто не ответил, но все поняли, что она имела в виду. Зина, потом Ольга — две молодые женщины, убитые с особой жестокостью, два горя для маленького города, привык-

шего к размеренной жизни.

Петя почувствовал, как наворачиваются слёзы. Он плохо понимал смерть — для него это было абстрактное понятие, с которым разум не справлялся. Но он понимал отсутствие — то, что Ольги, которая всегда была рядом с Милой, никогда больше не будет. И это «никогда» было таким огромным, что не помещалось в сознании.

— Ты же лежал у неё в больнице недавно, — вдруг сказала Света, глядя на Петю. — В неврологии. С головными болями.

Петя кивнул, вспоминая две недели в больнице. Постоянные мигрени, от которых не помогали обычные таблетки, вынудили мать положить его на обследование. Ольга была медсестрой — спокойная, с умелыми руками, которые не причиняли боли, даже когда ставили капельницу.

— Она всегда говорила, что делать, — сказал Петя без выражения. — Она не смотрела на меня, как на ребёнка. Объясняла все уколы и гладила по руке потом.

Мила издала странный звук — полувсхлип-полустон, плечи затряслись, а руки, обычно такие уверенные, теперь беспомощно комкали салфетку.

Сергей положил ладонь на плечо Пети:

— Держись, дружище, — сказал он приглушённо.

Голос Сергея был глухим, каждое слово давалось с усилием. Он не позволял себе сломаться — не здесь, не сейчас — но глаза, на мгновение встретившиеся со взглядом Пети,

выдавали то, что он пытался сдержать.

Ваня первым нарушил оцепенение — встал, обошёл стол и обнял Милу за плечи. Мила прижалась к нему, спрятав лицо на груди, и зарыдала — громко, безудержно, с той иступлённой откровенностью горя, которую обычно стесняются проявлять на людях.

— Она вчера... вчера мне писала, — бормотала Мила сквозь рыдания. — Мы договорились пойти в кино сегодня... Так хотела посмотреть эту дурацкую мелодраму... А потом в ту кондитерскую на набережной... Так любила там сидеть...

Слова путались, прерывались рыданиями. Мила цеплялась за рубашку Вани, боясь упасть, если отпустит.

Коля смотрел в окно с тем выражением, которое б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.